

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ.

ВСТРѢЧА НА УКРАИНѢ КИРИЛЛА РАЗУМОВСКАГО И ИЗБРАНІЕ ЕГО ГЕТЬМАНОМЪ. ⁽¹⁾

ЖУРНАЛЪ

о происхожденіи и приездѣ в Малую Россію обрѣтающихся при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества Дворѣ, отправленныхъ, въ 1745 году, отъ всей Малороссійской Націи для прошенія о бытіи в Малой Россіи, по прежнему, Гетману и о прочихъ Малороссійскихъ нуждахъ, Господъ Депутатъ, и о прочемъ слѣдующемъ дѣйстви.

К оной депутаціи отправлены были из Глухова Обозній Войсковій Генералній *Яковъ Лизогубъ* и знатній Бунчуковій Товарищъ *Василій Гудовичъ*, а обрѣтающомусь до того для своихъ нуждъ в Санктпѣтербургѣ Хорунжому Войсковому Генералному *Николаю Ханенку* тажъ депутація обще з вищеписанными чинами поручена была, а когда вищепомянутій Обозній Генералній *Яковъ Лизогубъ* жизнь свою в Санктпѣтербургѣ, 1749 года генваря, окончилъ, то оніе два в той депутаціи состояли.

Сего же 750 году генваря 3 дня, оніе — Хорунжій Войсковій Генералній господинъ *Ханенко* и Бунчуковій Товарищъ *Гудовичъ* в Глуховъ прибили, з данною имъ из Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи Высочайшею отпускною Грамотою.

⁽¹⁾ Старинный подлинникъ, съ котораго списанъ предлагаемый журналъ, хранится въ архивѣ Выдубицкаго монастыря. Ред.

Оную Высочайшую Грамоту, написанную къ присутствующимъ Генеральной Войсковой Канцеляріи Членамъ, того жъ Генваря 4 в Генеральной Войсковой Канцеляріи подали, которая в томъ состоитъ, яко Ея Императорское Величество, на всеподданиѣйшее отъ всей Малой Россіи прошеніе, Всемилоствѣйше соблагонизволили быть въ Малой Россіи Гетману, на основаніи бывшаго Гетмана Скоропадскаго, и для избранія оного изъ Малороссійскаго народа волними голосами, отправленъ Ея Императорскаго Величества Лейбъ-компанѣй-подпорутчикъ, Ея Императорскаго Высочества Государини Великой Княгини камеръгеръ и ординовъ святаго Александра и святаго Анни кавалеръ, Графъ *Иванъ Симоновичъ* господинъ *Гендриковъ*, со особливою Императорскою грамотою. Помянутіе жъ депутаты, съ Всемилоствѣйше-пожалованнымъ имъ награжденіемъ, отпущени.

Того жъ 6 генваря, високопомянутая Грамота в Глуховѣ в Соборной церквѣ, по литургіи и зъ молебнымъ к Богу за всевысочайшее Ея Императорскаго Величества здравіе пѣніемъ, публикована, и во все Малороссійскіе полки и господамъ полковникамъ оной высочайшей грамоти копіи, а особливо и изъ Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи во всякой порознь полкъ написаніе грамоти жъ, чрезъ нихъ же Господь Депутатовъ присланіе, по Генеральной Войсковой Канцеляріи нарочными войсковыми канцеляристами при указѣхъ и зъ повелѣніемъ, дабы и въ онихъ Малороссійскихъ полкахъ тѣмъ же образомъ публиковано было, разослани. И хотя еще о слѣдованіи Его Снятелства Графа *Ивана Симоновича* господина *Гендрикова* в Малую Россію извѣстія не имѣлось, однако Сотнику Глуховскому съ козаками сотнѣ своей, для встрѣчу Его Снятелства, веленно состоять въ готовности и держать вѣстовыхъ в Сѣвскѣ, кои завременно могли бѣ дать знать о приближеніи Его Снятелства. Особливо жъ отправленно Атамана Компанѣйскаго зъ дванадцать человекъ компанѣйцы в Сѣвскъ и веленно имъ дожидать прибитія Его Снятелства, а изъ Сѣвска имъ предъ каретою Его Снятелства слѣдовать.

9 числа генваря полученно господами Генеральною Старшиною отъ Его Графскаго Снятелства, чрезъ нарочнаго куриера Глуховскаго гарнизона сержанта *Биховскаго*, писмо, пущенное отъ 6 числа того же генваря изъ Калуги, которымъ изволилъ объявлять, что уже находится в слѣдованіи в Глуховѣ, і требовалъ о надлежащемъ къ прибитію его приуготовленіи.

Того жъ числа отъ присутствующихъ в Генеральной Войсковой Кан-

целярші членовъ отпавленъ къ Его Графскому Сіятелству Сотникъ Глинскій *Антонъ Крижановскій* с писменнимъ к Его Сіятелству поздравленіемъ новаго года и благополучнаго в Малую Россію шествія, і при томъ з донесеніемъ, что къ прибитію Его Сіятельства все потребное приуготовленіе в совершенной исправности состоитъ.

По имѣнію же вишенписанной о слѣдованіи Его Сіятельства в Глуховъ ведомости, для встрѣчи и проваженія Его Сіятельства, учрежденъ слѣдующій распорядокъ:

1. На границы Малороссійской, подъ селомъ Товстогубовомъ, поставленъ Сотникъ Глуховскій *Туранскій* с козаками сотнѣ своей до трехъ сотъ человекъ.

2. Отъ того мѣста верстъ за четири Сотникъ Кролевецкій *Оплевскій* со сту человекъ козаками.

3. Ближе къ селу Ясманъ Сотникъ Воронѣжскій *Холодовичъ* со сту человекъ козаками.

4. Да еще ближе подъ Ясманъ Сотникъ Ямпольскій *Каневецкій* з своею сотнею, и при всѣхъ онихъ сотняхъ сотенніе били знамена.

13 генваря упомянутій Сотникъ *Крижановскій* возвратился в Глуховъ зъ писмомъ отъ Его Сіятельства къ Генеральной Старшинѣ, котормъ Его Сіятельство, за поздравленіе его и за прудкое донесенное ему о приуготовленіи извѣстіе, объявляетъ свое удовольствіе; а онъ Сотникъ словесно объявлялъ о приближеніи Его Сіятельства к Сѣвску, да в подтвержденіе того, тоей же ночи противъ 14 числа чрезъ нарочнаго, полученно извѣстіе, что Его Сіятельство прибилъ уже в Сѣвскъ.

Того жъ 14 генваря зутра, какъ присутствующіе в Генеральной Войсковой Канцеляріи Члены, такъ и прочая Генеральная Старшина и другіе всѣ имѣющіеся въ Глуховѣ чини виехали в село Ясманъ, состоящее отъ Глухова в 17 верстахъ, и при нихъ находилась команда Компанѣйская, называемая Надворная Короговъ, и войсковая музыка, где прибитія Его Сіятельства и дожидались. А та компанѣйская команда, з войсковою музыкою, при в'ездѣ въ село Есманъ поставлинна била. И таковымъ порядкомъ, какъ оніе команды роставлены были въ тѣхъ мѣстахъ, Его Сіятелству надлежащую стрѣчь учиня генваря 15, порядочно одна за другою командою упередъ слѣдовали.

Когда же къ селу Ясманъ зближились, то помянутіе Генеральной Войсковой Канцеляріи Члены, Генеральная Старшина и протчіе всѣ бывшіе тамо чини виехали, і предъ онимъ селомъ Есманю поклонъ Его Сіятелству і поздравленіе благополучнимъ его прибитіемъ учинили, гдѣ і

войсковая музыка на литаврах і на трубах играть начала; а Его Сіятелство притомъ ис карети вышелъ и показаль свое благодарствіе. Паки сѣлъ въ карету и поехалъ в село Яеманъ до назначенной квартиры, куда его обѣ тѣ чини провожали і в квартирѣ учинили поклонъ. В ономъ же селѣ Яеманѣ, взявъ Его Сіятелство малой ростахъ, выехалъ в Глуховъ, и предъ нимъ всѣ висшеписанніе сотники з своими командами такимъ же порядкомъ, какъ и прежде, ординовали, и Надворная Компанѣйская Короговъ з войсковою музыкою слѣдовали в Глуховъ, а помянутіе Генеральной Канцеляріи Члени, Генералвая Старшина и протчіе всѣ чини провождали жъ к Глухову.

За прибитіемъ же Его Сіятелства к Глуховскому форстату учинена из города салютація ис пушекъ в 31 вистреле.

В'ездъ в городъ слѣдующимъ порядкомъ: были всѣ висшеписанніе сотники, впередъ Глуховскій, потомъ Крелевецкій, Воронѣжскій и Ямпольскій, с командами своими і з сотенными знаменами, ехали всякъ предъ своею сотнею з обнаженными саблями, а козаки з ружемъ, держа оное на караулъ, такожъ и компанѣйская команда из своимъ командиромъ; притомъ войсковая музыка на литаврахъ и трубахъ играли обикновенній маршъ.

Внутрь города, от Севскихъ воротъ до квартиры Его Сіятелства, по обоимъ сторонамъ улицы, поставленъ былъ Глуховскій гарнизонный полкъ, со своими афицери и з распущенными знаменами.

В свитѣ Его Сіятелства слѣдовали:

В 1-й каретѣ секретарь і переводчикъ.

В 2-й каретѣ Его Сіятелство з своимъ адъютантомъ. При сей каретѣ по сторонамъ ехали, на верховихъ лошадяхъ, два лейбъгвардіи сержанта.

В 3-й каретѣ Ея Сіятелство з своею фамиліею.

В 4-й каретѣ дѣти ихъ Сіятелства.

В прочихъ же коляскахъ другіе от свити Его Сіятелства чини.

И з такимъ провожденіемъ, генваря 15 числа, пополудни второго часа, Его Сіятелство благополучно в городъ Глуховъ прибыль.

В домѣ Его Сіятелства в собраніи уже были господъ Генеральной Старшины и прочихъ чиновъ дами, которіе ихъ Сіятелствъ стретили на крилце, и притомъ всѣ висшеписанніе чини, которіе встрѣчали, пришли и отдали в домѣ Его Сіятелства надлежащій комплементъ. А послѣ духовніе чини, архимандритъ, протопопъ Глуховскіе з своими соборами к

Его Сіятелству пришли жъ, ис которыхъ архимандратъ краткое, а протопопъ пространтійшее, Его Сіятелству привѣтствіе говорили.

ФОРМА ЦЕРЕМОНИАЛУ,

какимъ образомъ должно быть произведенію церемоніи ко избранію Гетмана, февраля 22 сего 750 году.

В назначенный к тому день, то есть сего февраля 22, для знанія вѣсѣмъ чинамъ и собранію в городъ Глуховъ, учинени имѣють быть три сигнала пушечной стрѣлы.

Первій сигналъ тотчасъ по отбитіи утренней зори. Послѣ котораго сигнала Глуховскій гарнизонный полкъ имѣеть быть поставленъ упреди на мѣстѣ гетманскаго избранія близь театра, гдѣ удобнѣе разсудится; а Малороссійскіе вѣсѣ полки, в указномъ козачомъ числѣ, при старшинахъ своихъ (кои уже должны до того сигнала состоять за городомъ в готовности), имѣють слѣдовать с ружемъ исправнымъ и при сабляхъ, в строю пѣшо в городъ, с распущенными полковыми и сотенными знаменами и с полковою музикою, играя маршъ и з боемъ на литаврахъ по войсковому порядку. А оніе малороссійскіе полки должны входить в городъ одинъ за другимъ порядочно, и по старшинству полковниковъ, а іменно: 1, Лубенскій. 2, Миргородскій. 3, Гаяцкій. 4, Переяславскій. 5, Прилуцкій. 6, Стародубовскій. 7, Полтавскій. 8, Нѣжинскій. 9, Чернѣговскій. 10, Кіевскій. И вѣсѣ оніе полки, по приходѣ в городъ, к тому жъ мѣсту, гдѣ устроенъ к избранію гетмана театръ, имѣють в присутствіи тутъ же, а самимъ полковникамъ стать на своихъ мѣстахъ, по распорядженію квартирмейстровъ ихъ, каждому полку распределенныхъ, по первенству полковниковъ и устроится шаренгами у добромъ порядки, а потомъ оними полками командировать имѣеть одинъ з старшини генеральной, господинъ *Якубовичъ*, и об ономъ к полковникамъ указы посылать из Генеральной Канцеляріи.

Вторій сигналъ будетъ в 9 часу, по которому Генеральная Старшина и с ними Бунчуковіе Товарищи и протчіе чины должны собраться в домъ к Его Сіятелству, господину министру; а преосвященнымъ архiereямъ и протчему духовенству сѣхаться должно в церковь чудотворца Николая.

Третій сигналъ в 10 часу, послѣ котораго из дому Его Сіятелства господина министра слѣдовать будетъ к театру избранія гетманско-

го карета цугомъ, в которой секретарь, з Височайшею Ея Императорскаго Величества грамотою, сидѣть имѣть, а предъ каретою компанѣйскій одинъ старшина; з нимъ 6 членъ виборнихъ компанѣйскихъ козаковъ с ружемъ пѣшо.

Позади же той команды предъ самою каретою музика гетманская, с играніемъ на трубахъ и з боемъ на лѣтаврахъ слѣдовать будутъ и трубачамъ или товарищамъ ихъ на лошадяхъ в убранствѣ, около той же кареты, по сторонамъ имѣютъ ити с ружемъ гаріѣзонніе гравадери 12 человекъ.

За каретою несени быть имѣютъ гетманскіе клейноты слѣдующимъ порядкомъ:

Большое знамя подъ російскимъ гербомъ, которое данно было прежде бывшему гетману Даніилу Апостолу, несено будетъ Бунчуковымъ Товарищемъ однимъ, а по сторонамъ оного два Бунчуковыхъ Товарищи; началствующій же притомъ генералній хорунжій в ассистенціи да дванадцать Бунчуковыхъ Товарищей.

Гетманскую булаву, на красной бархатной подушке, нести имѣютъ два Бунчуковіе Товарищи, и притомъ началствовать имѣть Судья Генералній господинъ *Горленко*, да тутъ же и прочая Старшина Генеральная, и за ними слѣдовать имѣютъ 24 человекъ Бунчуковыхъ Товарищей, в рядъ по 4 человекъ.

Потомъ несенъ будетъ бунчукъ, на бархатной красной подушки, двома Бунчуковыми Товарищи; потомъ началствующій Генералній Бунчужній, а в ассистенціи всѣ Бунчуковіе и Войсковіе Товарищи и прочее шляхетство порядочно.

Войсковій прапоръ имѣть нести сотникъ с надлежащею ассистенціею.

Потомъ слѣдуетъ болшая гетманская печать войсковая на красной бархатной подушке; оную понесутъ два Бунчуковіе Товарищи, а началствовать имѣть при немъ тутъ же Генералній Писарь, да в ассистенціи двадцать Бунчуковыхъ Товарищей и Канцеляристи Генеральной Войсковой канцеляріи.

За всѣми тѣми клейнотами имѣть ехать Его Сіятелство господинъ министръ цугомъ в карете, з надлежащею ассистенціею отъ свиты Его Сіятелства верхами на лошадяхъ.

А въ заключеніи 16 человекъ компанѣйскихъ козаковъ з однимъ старшимъ, при руже пѣшо.

Отъ дому его сіятелства министра до мѣста элекціи будутъ стоять

компанійци или солдати по обомъ сторонамъ улицы, даби изъ естого церемонїи отъ народу стѣсненїя и помѣшательства битъ не могло.

По принесенїи к театру вишенписанныхъ гетманскихъ клейнотовъ, взнестъ оніе на театръ і положить оніе на столъ, который будетъ поставленъ в лѣвой стороны, а знамя держать при томъ же столъ тому жъ Бунчуковому Товарищу, который его несъ; грамота же Ея Императорскаго Величества положена будетъ на другомъ столъ, по правую сторону.

По приездѣ к театру господина министра, архiereи Кіевскій и Чернѣговскій, з архимандрити і прочимъ духовенствомъ, имѣють приступитъ к театру с правой стороны, а Генералная Старшина съ лѣвой; Бунчуковіе Товарищи и протчіе чины стануть в назначенномъ мѣстѣ.

Когда вчинится обраніе гѣтмана, в то время выпалить изъ пушекъ, мортиръ и из ружа бѣглимъ огнемъ.

После совершения элекцій, духовніе и мирекіе чины имѣють пойти в церковь, для учиненія молебствїа о Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества здравїи, куди внесени будутъ, при грамотѣ Ея Императорскаго Величества, клейноти гетманскіе и такъ положатся на столъ, какъ на театре, на коихъ имѣють лежать во время молебного пѣнія, а при выходѣ изъ церкви отнесени будутъ паки кушо изъ грамотою къ Его Сїятелству господину министру на дворъ с тоєю жъ церемонїею, какъ и прежде з двора на мѣсто обранїа били несени.

ЖУРНАЛЪ,

какимъ образомъ произійшло обраніе гетмана войскъ Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра 1750 году февраля.

За прибитіемъ в Глуховъ на 15 день сего февраля ясне в Богу преосвященнѣйшаго архіепископа митрополита Киевскаго, Галицкаго і Малїа Россїи, господина *Тимодея*, преосвященного епископа Чернѣговскаго господина *Амвросїа*, такожъ архимандрита Лаври Кіевопечерскїа господина *Іосифа* и другихъ обителей архимандритовъ и разныхъ духовныхъ знатныхъ особъ, за собраніемъ Малороссійскихъ Полковниковъ, Бунчуковихъ Товарищей, старшихъ полковыхъ сотниковъ з сотенными старшинами, Значковими Товарищами, многими рядовими козаками, а особли-

во войсковыхъ Товарищей и прочего шляхетства малороссійскаго, учинена была отъ министра его сиятельства господина генерала-маіора, Ея Императорскаго Величества лейбъ-компаніи-подпоручика и Ея Императорскаго Высочества Государынѣ Великой княгинѣ камеръ-гера, графа *Ивана Симоновича Гендрикова*, ко всеѣмъ онимъ чинамъ повѣстка, дабы оніе всеѣ чиновніе персони собралися на 18 того жъ февраля поутру в домъ, гдѣ имѣется канцелярія по комисіи его сиятельства о избраніи гетмана, и когда оніе духовніе, тако жъ всеѣ мирскіе чины, какъ Генералная Старшина, Полковники, Бунчукові товарищи, старшины полковіе и сотники и прочее малороссійское шляхетство, якихъ всеѣхъ персонъ было до тысячи, в тотъ домъ собралися, то его сиятельство изволилъ словесно объявлять, яко онимъ всеѣмъ чинамъ уже извѣстно, что онъ, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества указу, прибылъ для избранія въ Малой Россіи гетмана волними голосами по прежнимъ обикновеніямъ, и требовалъ ихъ ведать мнѣіе, кого они быть гетманомъ в Малой Россіи обще желаютъ?

На что всеѣ оніе, какъ духовніе, такъ и мирскіе чины объявили единогласно, яко желаютъ быть в Малой Россіи гетманомъ его сиятельству графу *Кирилу Григоріевичу* господину *Разумовскому*, о чемъ и на трехкратной его сиятельства господина министра вопросъ тожъ всеѣ велегласно объявили, а по совершеніи того опредѣлили публично с надлежащею церемоніею избранію быть того жъ февраля 22. И для того февраля 21 отправленъ отъ его сиятельства Глуховскаго гарнізону адютантъ и при немъ войсковая музыка, которой, езда по городу Глухову и за городомъ с играющею музыкою, объявлялъ о будущей завтreshнего дни публичной церемоніи благополучнаго гетманскаго избранія, и к полковникамъ ихъ для такового жъ объявленія ездилъ.

А назначенній к тому избранію день того жъ февраля 22 дня для знанія всеѣмъ чинамъ и собранія в городъ Глуховъ учинени были три сигнала.

Первой сигналъ послѣ отбитія утренней зори.

По которому сигналу поставленъ былъ Глуховскій гарнізонній полкъ по одной сторонѣ у нарядъ противъ устроеннаго для избранія гетманскаго театра между церквами новоостроячейся Живоначальной Троицы и Святителя Николая; з западной стороны по срединѣ того мѣста устроенъ былъ театръ з лѣсницами и перилами, покрытъ краснымъ тонкимъ сукномъ.

Потомъ малароссійскіе всѣ полки, кои уже до того сигнала за городомъ собрались были, в городъ к тому устроенному театру шли в строю пѣшо, с распущенными полковыми и сотенными знаменами и с полковыми музиками, играя маршъ з боемъ на литаврахъ, полкъ за полкомъ по старшинству полковниковъ, яко то: первіи полковникъ Лубенскій господинъ *Апостолъ*, держа обнаженную шпагу, а старшина полковая и значковіе товарищи за нимъ з обнаженными шаблями, тако жъ и сотники — всякъ передъ своею сотнею с саблями, а козаки с ружемъ шли.

А равнымъ образомъ и всѣ полковники предъ своимъ полкомъ и старшинами слѣдовали: Миргородскій господинъ *Капнистъ*, Гадяцкій — господинъ *Галецкій*, Переяславскій — господинъ *Сулима*, Прилуцкій — господинъ *Галаганъ*, Стародубовскій — господинъ *Максимовичъ*, Нѣжинскій — господинъ *Кочубей*, Чернѣговскій — господинъ *Божичъ*, а в Киевскомъ і Полтавскомъ за небитіемъ полковниковъ, яко то Полтавского господина *Горленка*, за отлучкою в Санктіѣтербурхъ, а в Киевскомъ полку за неімѣніемъ полковника, командировали обозніе полковіе с протчою полковою старшиною.

Онѣ полки по приходѣ в городъ к тому жъ мѣсту, гдѣ устроень театръ, порядочно полкъ за полкомъ поставлены шеренгами около театра.

По правой стороны близъ церкви святителя Николая, зачавъ отъ гарнизонного Глуховского полку, полкъ Лубенскій, Миргородскій, Гадяцкій, Переясловскій, Киевскій; по левой стороны близъ церкви Живоначалія Троицы, зачавъ отъ Глуховского гарнизонного полку, полкъ Прилуцкій, Стародубовскій, Нѣжинскій, Чернѣговскій і Полтавскій, совокуясь вмѣстѣ с Кіевскимъ. Оними полками командировалъ Асаулъ Войсковій Генералній господинъ *Якубовичъ* на лошадей.

В 9 часу по полуночи учиненъ второй пушечной сигналъ.

По которому Генеральная Старшина, с ними Бунчуковіе і Войсковіе Товарищи и протчое шляхетство собрались в домъ к Его Сіятелству господину министру графу Ивану Симоновичу *Гендрикову*.

А преосвященній архиепископъ, митрополить Киевскій, тако жъ архимандрить Киевопечерскій и другіе архимандриты и знатніе духовніе особи, с'ехали в церковь святителя Николая, гдѣ преосвященный митрополить и литургію отправлялъ з своимъ освященнымъ соборомъ, а преосвященній Чернѣговскій, за болѣзнію своею, битъ не могъ.

В 10 часу учиненъ былъ третьей пушечной сигналъ.

Посла того из дому его сиятельства господина министра слѣдовала впередъ на лошадяхъ компанійская команда в шестнадцати человекъ с однимъ старшиною.

За тою командою карета цугомъ, в которой сидѣлъ секретарь Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи, *Писаревъ*, держа в рукахъ на серебряномъ блюдѣ и на красной бархатной подушке Высочайшую Ея Императорскаго Величества грамоту. Около кареты по сторонамъ шли с ружьемъ Глуховскаго гарнизона дванадцать человекъ гранадеръ.

За каретою слѣдовала войсковая музыка, играя маршъ з боемъ на литаврахъ; потомъ несени гетманскіе клейноты слѣдующимъ порядкомъ:

Первое большое знамя подъ русскимъ гербомъ, которое данно было гетману Апостолу, несено Бунчуковымъ Товарищемъ *Иваномъ Гамальею*, а по сторонамъ оного, два Бунчуковіе Товарищи *Григорій Лизонубъ* да *Павелъ Ломиковскій* шли.

За ними Генералній Хорунжіи господинъ *Ханенко* да в ассистенціи дванадцать человекъ Бунчуковихъ Товарищей.

2. Несена была Гетманская булава на красной бархатной подушке двома Бунчуковими Товарищи, *Яковомъ Марковичемъ* да *Федоромъ Шираемъ*. За оною шли Судія Войсковій Генералній господинъ *Горленко*, Подекарбій Генералній господинъ *Скоронадскій*, Писарь Генералній господинъ *Безбородко*, Асаулъ Генералній господинъ *Валкевичъ*; ассистовали 24 человекъ значныхъ Бунчуковихъ Товарищей.

3. Несенъ гетманскій бунчукъ, на бархатной красной подушке двома Бунчуковими Товарищи *Илією Лизонубомъ* и *Петромъ Искрицкимъ*; притомъ Енералній Бунчучній господинъ *Оболонскій*, а в ассистенціи все Бунчуковіе Товарищи и прочіе Малороссійское шляхетство.

4. Большая національная серебряная и визолоченная печать, на красной бархатной подушке, несена двома Бунчуковими товарищи *Петромъ* и *Григоріемъ Горленками*; а за ней ассистовали Писарь Суда Войскового Генералнаго съ Канцеляристами Войсковыми.

5. Войсковій прапоръ несенъ Бунчуковымъ товарищемъ *Павломъ Марковичемъ*; за нимъ шли все Войсковіе Товарищи.

За всеми тѣми клейнотами ехалъ его сиятельство господинъ министръ графъ *Иванъ Симоновичъ Гендриковъ* цугомъ в каретѣ с надлежащею ассистенціею отъ свити его сиятельства, а в заключеніи того 16 человекъ компанійскихъ козаковъ с однимъ Старшиною. Отъ дому его

сіятелства до мѣста елекціи поставлены были компанійцы и солдаты по обоимъ сторонамъ улицъ, даби шествію церемоніи отъ народа утѣшенія и помѣшателства быть не могло.

И когда та карета, в которой везена високопомянутая височайшая грамота к Малороссійскимъ полкамъ между шаренги вступила, то тотчасъ какъ отъ Глуховскаго горіѣзоннаго полку, и отъ всѣхъ малороссійскихъ полковъ, дана была честь: наклонивъ знамена до земли, играли полковіе музыки и били на литаврахъ, а козаки держали ружье на карауль, и сія отдача чести продолжалась по то время, пока височайшая грамота секретаремъ, а гетманскіе клейноты висшеписанными чинами внесены были на театръ и его сіятелство господинъ министръ къ театру приблизъ.

На ономъ театре приуготованы были два столы, покрытѣ красною камкою.

С которыхъ на одномъ столѣ, съ правой стороны, положена секретаремъ Височайшая Ея Императорскаго Величества грамота.

А гетманскіе клейноты на другомъ столѣ з левой стороны положены жъ были.

По приездѣ к оному театру господина министра, изъ церкви святителя Николая, по отправленіи уже святой литургіи, митрополитъ Киевскій с архимандрити и прочіимъ духовенствомъ у священномъ ихъ одѣяніи вышли и имѣли мѣсто с правой стороны на ономъ театре.

А Генералнаа Малороссійская Старшина с левой стороны, Бунчукові жъ Товарищи и прочіе шляхетство стояли по сторонамъ оного театра за нижними перилами, а Малороссійскіе Полковники отъ всѣхъ полковъ приступили ближе к театру.

При такомъ всего духовенства и мирскихъ чиновъ собраніи, его сіятелство господинъ министръ вслухъ всему собранію объявилъ Височайшее Ея Императорскаго Величества на прошеніе всей Малой Россіи всемилостивѣйшее соизволеніе о битіи в Малой Россіи гетману, какъ о томъ де в Височайшей Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственнаго Ея Императорскаго Величества руки черезъ его, министра, присланной грамотѣ изображенно.

И потомъ заразъ онаа Високомонаршая Всемилостивѣйшая Грамота всему собранію чтена была вслухъ объявленнымъ секретаремъ.

А по прочтеніи той грамоти за Височайшее Ея Императорскаго Величества Малороссійскому народу милосердіе и високоматеринское призрѣніе преосвященнымъ митрополитомъ Киевскимъ говорена краткая благо-

дарственная рѣчь; такожъ и Генералная Малороссійская Старшина, Полковники, Бунчукові Товарищи и прочіе всѣ вышеписаніе чини за такую Височайшую Ея Императорскаго Величества милость учинили всенжайшее благодареніе.

По окончаніи того, Его Сіятелство господинъ министръ, при такомъ объявленномъ отъ Ея Императорскаго Величества соизволеніи, требовалъ волними, по прежнему обыкновенію, голосами избранія, кого пожелаютъ, гетманомъ.

На якое его требованіе во-первыхъ его преосвященство митрополитъ Кіевскій з архимандритами и всѣми духовными чинами, такожъ Генералная Старшина, Полковники, Бунчукові Товарищи, полковая Старшина и всѣ чини, и собранное отъ полковъ войско и многой народъ единогласно объявили усердное желаніе о битіи в Малой Россіи гетманомъ Его Графскому Сіятелству *Кирилу Григоріевичу* господину *Разумовскому*, что і трекратно велегласнымъ объявленіемъ подтвердили.

По тому трекратному объявленію и желанію, Его Сіятелство господинъ министръ *Гендриковъ* всѣхъ чиновъ онимъ избраннымъ гетманомъ поздравлялъ и словесно объявлялъ, что о такомъ согласномъ избраніи в гетмани его сіятелство Кирила Григоріевича господина Разумовского имѣетъ взнестъ к Ея Императорскому Величеству.

Послѣ чего, в знаменіе того всерадостного и благополучнаго совершеннаго избранія Гетмана, начата палба и учиненъ с пушекъ войсковой артилеріи и мортировъ 101 вистрѣлъ, а послѣ Глуховскій гарнізонъ и все Малороссійское войско с мѣлкого ружья бѣглимъ огнемъ палили.

И тако уже ис театра оная Височайшая грамота, а за нею вышеизображенніе гетманскіе клейноты понесени в церковь святителя Николая і положени на поставленныхъ в той церквѣ убранныхъ двухъ столахъ; духовніе же и мирскіе чини ввошли в ту жъ церковь, гдѣ заразъ говорена предика чрезъ архидіакона катедрі Софійской.

А по окончаніи предики, о Височайшемъ Ея Императорскаго Величества здравіи всѣмъ собраннымъ духовнымъ чиномъ отпѣтъ благодарственной молебень с трекратною пушечною и мелкого ружья палбою.

По молебномъ пѣніи тѣ жъ Височайшая грамота и гетманскіе клейноты из церкви несен были такою жъ церемоніею и порядкомъ в квартиру его сіятелства господина министра, какъ из квартиры его сіятелства к театру. А послѣ і всѣ Малороссійскіе полки из города к своимъ станціямъ порядочно, какъ і в городъ, входили.

И в тотъ день какъ духовніе, мирскіе всѣ чини траковани были сто-

ломъ: знатнѣйшіе чины в домѣ его сіятелства господина минѣстра, а другіе нижнихъ классовъ, и за невмѣщеніе тамо, в другомъ дворѣ, гдѣ канцелярія по коммисіи его сіятелства имѣется. И при столѣ палили за Высочайшее Ея Императорскаго Величества и ихъ Императорскихъ Высочествъ здравіе и знатныхъ персонъ, в томъ числѣ новоизбранного его ясновельможности господина гетмана, при чемъ производима была пушечная палба, і продолжалось все то до полуночи.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

ЧОРНОМОРСЬКІ КОЗАКИ ⁽¹⁾.

»Теперъ що живуть въ Чорноморні козаки, то все то покоління тихъ Запорозцівъ, що колись жили въ Січі. Ужанція ⁽²⁾ у нихъ однакова. Скáзано, яблучко відъ яблуньки не далéко відкóтитця. Въ 38-му году а своїмъ сѣдномъ перевóзивъ изъ Тамані на Капкасъ: вáрмію, сiно, овéсь, гармáти и всiкi воéнні снаряди. Насъ Хересонськихъ судовщиківъ булó багáто; возіли ми по контра́кту съ казню; бáчите, помiсяшно договóрювались. Отъ, зна́єте, iнчий часъ — козаки тільки жiнóкъ оди́нхъ по-зоставляють до́ма; а самi підуть до бéрега грузи́ть суда; якъ-же покiнчають робóти, — поверта́ютьця до до́му — ажъ до́ма нi скотiнки; — де що у ко́го булó, все Черкеси поугóнять. Щó жъ би ви думали, зажу́рятьця вони? якъ би не та́къ. А щó, хлопцi, зкáжуть, сбули́сь худóбки; дiтямъ молока нема; а ну лишень на роздобúтки. Посiдали зáразъ на коней, та за Куба́нь; а Куба́нь одъ нихъ не далéко течé. Отто́, гляди́ въ ночi, ажъ землi гудé: — жену́ть скотiни вдвоe бiльшъ, якъ булó. Той часъ и по-дiлять, — и кутью таку зададу́ть, що держи́сь.

⁽¹⁾ Записано слово въ слово отъ Херсонського купця Гната Степановича Рябоконя. Съ п'ятнадцяти лiть зачавъ вінъ ходи́ть на морськихъ лоткахъ; та й промiкався по Чорному и Азовському моря́хъ, почитай, лiтъ до шiсдесяти. »Де вже я не вiходивъ! Казавъ не разъ мiні повістователь. »Бувъ я въ 38-му и въ 39-му годахъ въ Румелiї, бувъ въ Анадолiї, бувъ и на Капказі. Приходило́сь бáчити багáто дóброго й лихóго«.

Гнатъ Степановичъ живий ще й досi. Нехай ёму легенько згада́етця. Бiльшъ усёго лóбе вінъ розсáзувать про Чорноморцівъ. Бо той наро́дъ ёму якось дуже по душі прии́шовся. И не дiво-жъ то: звiсно — своé.

⁽²⁾ Ужанція: тобъ-то звичай.

I.

Якъ спалили Чорноморці Очжибей, що теперъ Одесомъ зветця.

У мене бувъ товаристь; зъ нимъ ми мали въ товаристві сѣдно. Отъ, того товариста жінки дідъ служивъ ще при Потѣмкину та при Суворові въ Чорноморіі козакомъ; то вінъ було часто намъ розка́зуе, якъ спалили Очжибей, теперішній Одесь, — вінъ першъ Очжибеємъ звався.

Суворовъ, ка́же, пославъ Дони́цівъ, щобъ ті спалили непременно Очжибей. Тамъ у Тúrка було ба́гато заготовано: сiна, хлiба, поро́ху и всiякоi-всiячени. Отъ Дони́ці й пішли; та ба, — побоялись Турка; не зробили ні́чого. Якъ ёго, мовля́ли, запалить? Тúrка тамъ сiла. Днемъ на я́вну сме́рть — не піде́шъ; а вно́чі це́нь обля́же округи́, — тожъ стра́шно; — засту́кають, — тамъ и ка́чуть; по́нюхали, по́нюхали, та сь чимъ пішли, сь тимъ и верну́лися. Суворо́въ росе́рдився; — пославъ їхъ вду́рге, — вони и вду́рге те́жъ; вінъ о́ня́ть въ трéте — вони и въ трéте верну́лись ні́чого не запо́дявши. То́ді Суворовъ ба́чивши, що не Дони́цямъ утну́ть се ді́ло, нарядивъ Чорномо́рцівъ. Отъ Чорномо́рці ви́бравши таку ні́чъ, що ні зги́ — те́мненá, хочъ о́ко ви́коли — підійшли по бли́зче, та й посла́ли, сті́льки тамъ чо́ловікъ, розвіда́ть, де що́ и якъ що́ обсто́ить; а са́мі да́вай зби́ра́ть по́мацки су́хий бу́р'я́нъ, щобъ те́ звiсно було́, де хто нахо́дитця, давали крiсесомъ пре́мітку. Де який кресне́, то й вви́дно. То́ бь-то за́ для то́го, щобъ не дуже́ розб́родились, та щобъ го́ло-су оди́нь-дру́гому не пода́вали. Отъ якъ узнáли відъ тiхъ, що поси́лали розвідува́ть, въ я́кімъ місці́ мо́жна це́нь про́йти; — ко́го оста́вили сте-регти́ ко́пей, а хто́ въ оберемо́къ су́хого бу́р'я́ну — та въ Очжи́бей; — якъ-же туди́ пробра́лись, попідти́кали, підъ яку́ тíльки було́ мо́жна стрі́ху, су́хою баді́лля, та якъ запали́ли зо́ всiхъ кiнцíвъ, то на в́даку, чи въ са́мому пíклі такъ кле́котить, якъ тамъ за́кле́котiло. Все до́ тла ви́горiло; — а Чорномо́рці живiсе́нькі́ всi до́ одного́ повті́кали. Отто́ді Суворовъ и ка́же: »Ай да ра́бята, вотъ ма́ладцы, не Данца́мъ че́та. Спасiба, удру́жили«, и Па́тiмкину сказа́в: »э́та наро́дъ — ма́ладцы.« П́ра́вда, що́ мо́лодці́, за́мiтивъ роска́щикъ, все наро́дъ ви́дний, крíпкий, глянешъ на ста́рого — ё́му бу́де ли́тъ підъ сíмдеся́тъ, а да́й ще трíхъ на́шихъ мо́лодiхъ, то ка́ня́ля бу́ду, ко́лі не спр́авитця́. А па́ні у́ їхъ — не то́ що́ на́ші: бíдний чо́ловікъ и підсту́пить боiтця́; а тамъ — лю́бо та гарно́ погля́дiть.

II.

ПРОСТОТА ЧОРНОМОРСЬКОЇ АРЕСТОКРАТІЇ.

Коло Тамані у Чорноморців є свої соляні озера. Опріч козаків, казна нікому не одпускає. Не знаю, чи и тепер так? А тоді так було. Ото деві, — валкі ідуть наберать сіль; а коло жадної валки и хазяїн. Подивися було, та й думаєш, що то хазяїні так собі, прості козакі: одѣжина на їх незаможна, тільки що не вь одних сорочках — а вь каптанках; як-же роспитаєся, то гляді — той сотникъ, той хорунжий, або ще й вище. Оть понаберавши, пороспачують вь канцелярії и одправлять хлопців продавать сіль; — а ні, то який и самъ за валкою піде; які-жъ позостають дома, — то це вь празникъ и понайдять вь Тамань; та вже не вь простихъ каптанахъ а вь каптанахъ Ангеліанського сукна дорогого є вилѣтами; попідперізувані гярними поясами вь смушевихъ набекренъ шапкахъ и шаблі зъ боку; — у другого груди такъ и усипані всі кавалерією, ажъ горить; — инчий сивий якъ лунь, а молодцемъ такимъ диветця — и Господи. Ото попреходять першъ до берега, де инчий часъ и вь празничний день идє така робота, що й дихнуть ніколи. Звісно, воєнне діло. Тоді сама гаряча робота йшла є Черкесомъ... Постановлять вь рядъ и гукнуть до своїхъ козаків: »здорові були, хлопці!« — »Здравія желяємъ,« — ті обізвуться; ажъ земля дрогне. »А що, чи сіно дүшете?« (Козакі тоді вязали вь кіпи и полу-кіпи сіно, вь кіпу вбивали по 12 пудъ, а вь полукіпу по 6.) — »Дүшемо, ваші високоблагородія.« — »Душіть, душіть та глядіть, якъ підете підъ Черкеса, то и єго здушіть такъ, щобъ ажъ не піснуть.« — »Якъ Бігъ поможе, то не вивернетця зъ нашихъ рукъ.« Дадуть одвіть молодці, та заразъ и вдеруть такої пісні, — що слухаєшъ — та й не наслухаєся... Я багато їх пісень знавъ — та на лихо позабувавъ усі. Тільки и остався вь памяті кінець однієї.

»Ой полеті, галко, ой полеті, чорна, та на Дінъ рібу їсти,
Ой пренесі, галко, ой пренесі, чорна, відъ кошового вісти;
Ой уже гальці, ой уже чорній та изъ Дону не вертатця...
Ой уже намъ, братці, славне Запорожє, та є кошовимъ не видатця.

Цей варіантъ, вь Запискахъ о Южной Руси Куліша, вь пісні объ Швачці; — записанъ інче. Я читавъ її моєму повіствователю, щобъ то довідать, чи не переінчивъ вінъ єго часомъ. »Такъ ні, каже, слова ці

дуже врізались въ моєї пам'яті, якъ-би то я їх тілке вчора чувъ. Чого вже не знаю, або що заб'увъ, объ тїмъ и спóрить не буду; а це вже що такъ, то вірно.» Закінчавъ вінъ, та й ставъ розказувать далі:

«Ото, знаєте, постóить, постóить булó те панство; побалáкають съ хлопцями та попрощáвшись — всі гай до Дóнчика. Дóнчикъ бувъ купецъ; мавъ вінъ у Тамáні бакалійну лáвку и різні инострáнні вина; та якъ забер'утьця туди, то не скóро вийдуть; задад'уть тáмъ такий бенькётъ, що ажъ чортáмъ д'ушно стáне. Щó міні любó, такъ те, що не жáденъ изъ їхніхъ панівъ передъ найбіднішимъ півки въ гóру не задерé; съ посліднімъ козакóмъ, мовляли, розговóритця, дасть ёму совіть, якъ въ воєннимъ, такъ и въ домáшнімъ ділі. Про тежъ на сл'ужбі — ані чиркъ, — а ні, то нгааівъ покушт'е.»

III.

Якъ пропившихся козаківъ знаряжають: конемъ, муніцею и всімъ, що треба въ похóдъ.

*Инци*й козакъ сирéма догуляетця до тóго, що попропивáе одéжену, коня и збрóю; — а тутъ похóдъ на носі висить. Щó ёму бідолáсі робить? А такихъ тáмъ инчий рáзъ чимáло знайдетця. Начáльство-жъ знá їх' удалъ, отъ и веліть списісувать, у кóго чогó не достаé. И дад'уть той списъ старшóму. Старший звелить накупить усёго по тóму спису, — не знаю, за чіі вже грóші, мáбуть за общéственні, — а далі, передъ тїмъ якъ виступáть, постановлять въ одінъ рядъ кóней, накупленихъ по спису, розклад'уть муніцю; а въ др'угімъ ряд'у, на з'устрічъ, постановлять горемикъ, що попропивáлись; то це по спису й викликають: Грицькó Тарáня, або Дем'я́нъ К'у́ля, а кé лешинъ сюди! то визваний и вихóдить; »отцé, кáже старший, тобi кінъ, оцé збр'у́я, а оцé муні́ця; щóбъ-же ти умівъ шанувáть своé дóбре, та не заб'увъ мого на́казу, то да́йте ёму́, хлопці, на пам'ятку п'ятдесять тáмъ, абó сто нага́ївъ; то вінъ пам'ятувáтиме л'учче.» Якъ-же хлопці зачnúть півжити, — то ажъ пір'я летить. Бо за так'у *проштрáнність* козаки б'ють не жалк'ючи. Отъ, якъ одб'уде неборáка своé, то встáне та ще й поклóнетця старшóму и подякуе за на́уку; старший же прочитáе ще ёму́ довгу рата́цію. — Тоді за др'угого; та тáкъ перебер'уть до остáтнёго; якъ-же роспрáву и розді́ль учі́нять, тоді помóлятця Бóгу, посідáють на кóней, гáркнуть дóбру пісню — и мáршъ у похóдъ.

IV.

Домашній побитъ чорноморськихъ козаківъ.

Жили Чорноморські козаки тоді не дуже-то заможні. Та коли їмъ сердегамъ було що й придбать? Хибá теперъ, якъ съ Черкесомъ війна утихомирилась, то може й поопірились трóхи; тоді жъ, якъ я бувáвъ въ їхъ мiстахъ, то їмъ ніколи було свого доглядать... Якимъ чérга, ті ідуть на Кавказъ воювать, зносять крепості, копають канáви, земляні стіни видвигать — якъ гóри. Робóта була зазвóнна — нічого сказать. Тiжъ, котóрі оставáлись дóма, тóжъ на пічі не лежали. На бérезі по всякъ часъ було дiло. За хазáйствомъ гляділи одні жінки. Стéпу жъ у їхъ було доволі. Отъ, якъ підійде робóча порá, то недiлi за двi, або й бiльшъ, понаходять въ Чорномóрію на заробiтки Анапци. Въ Анапi було багáто рáзного, забрédшого зо всiхъ кiнцiвъ, лóду, — та все бiднóта. Оцé-жъ, поприходивши въ Чорномóрію, погоговóрюютьця зъ жiнками убрáть їхъ хлiбъ — чи, тамъ, за плáту, чи съ копiйцi; то поке прiйде робóча порá, то вони їмъ и хатi пооправляють и по хазáйству дадуть всiйкий порáдокъ; а тамъ поскóшують и хлiбець и сiно, хто скiльки спромигся зсiяти. Коли-жъ повертаютьця козаки до дóму, то звiсно, — де вже вiдержать, щóбъ не курнiти! — не такá натýра. То жiнки їхъ и лáють: »А чортi-бъ убiвъ вáшого бáтька, та зъ вáшими козаками! колибъ не Анапци, то хатi и дóсi бъ були повкриванi вiтромъ. А їмъ чортъ ма й гáдки; абi горiлка була«.

V.

Гайдамаки.

»Чи не чувáли ви чáсомъ, Гнáть Степáновичъ, чогó про Гайдамáкъ вiдъ Чорномóрця дiда, вáшого товариáта жiнки?« Спитáвъ я якóсь у Рябокóня. »Та де вамъ!« той вiдвiтувавъ. »Багáто бувáло кой-чого роскáзуе; та я нá лихо позабувавъ все дó чиста. Одно те, що то давнó було; а дрóге—що не те вже въ голови седить, щóбъ помятувать такi давнi рiчi. А ось щó, такъ якóсь задérжалось; а ще й давнiшъ чувáвъ. Такi рiдна бáба моя бувáло роскáзуе. Тодi мiнi було лiтъ дванадцять — не бiльшъ. Забúвъ тiльки, зъ якóго селá вона була. Тамъ дeсь бiля Черкасъ жили

вони тоді — здається. Зібралось, каже, насъ въ хату трое дівчатъ; ми-жъ не то, щобъ уже були дівками; а такъ, якъ то кажуть, підлітками. Старі наші всі були въ полі... Отъ сидемо, коли чємо—въ селі піднявся такий галасъ — крий Мате Божя: біготня, гамъ, крикъ, брязкотня; на-че світа преставленіє... Оце-жъ лішечко, ой нєнечко! та що жъ намъ на світі Божому робить?.. Що намъ робить? Питаємо одна въ одніє; та трусемось мовъ въ лихоманці. На двір-же й носа боїмось висунуть... Оце Гайдамаки прийшли людей різать, каже одна изъ насъ; а тоді вже чутка була, що вони скрізь вештають та ліхо роблять; бо старі якъ позіхаютця, то тільки й речі, що за гайдамакъ... Поріжуть вони й насъ, кажемо. Дежъ-то мій батько! кричить одна, та ломле руки; де моя мате? жалібно питає друга... Матусенько жъ моя ріднєсенька, уже міні є тобою не баचितця, а може вже тебе й на світі нема, може вже тебе зарізали! Такъ преговорюючи та ридаючи, — бігаємо та здіймаємо до нє-ба руки; а далі вибігли й в єніи; а изъ єнієй виведений бувъ въ стріху димарь; ми туді, — та не півши, не івши двоє сутокъ тамъ и просі-діли... Пройшла та й буча, — стихомірилось въ селі; а ми сидимо, боїмось и поворухітця... Коли на треті сутки чємо—опять гомінъ и брязкотня шаблями. О теперъ-же, кажемо, пропали наші бідні голівоньки. Заколотило насъ знову. Стало було одлягати відъ серця потрохи. Такъ ні жъ, — опять біда. Защитивъ, кажемо, одинъ разъ насъ царь небес-ний; — а теперъ мабуть не помілає. Коли такъ воні й є: чємо—забрыз-котили въ синахъ шаблі. Якась изъ насъ є переляку и поворухіє. »А ну, хлопці, подивітця, чи нема когò въ димарі,« хтось каже, »бо щось тамъ шелестить.« Тутъ уже ми не здержались; якъ закричали въ одинъ голосъ: »батьчки, ріднєсенькі, зжалійтєсь надъ нами, — не ріжте насъ; пустіть наші дүші на покайння...« Підбігло до насъ стільке тамъ чоло-вікъ, та й кажуть: »мовчіть, голубочки, ми васъ не займемо; не бійтєсь насъ, бо не бить, а спасать ми прийшли сюді. Злізайте лишень мерщій. Такъ дежъ-бо, такъ тобъ и унять насъ! — не ймемо віри, а ще дүжчий гвалть підняли... Постягали вони насъ, та все уговорюють, щобъ їх не боялись; а далі підійшовъ и старший и пані якась изъ нимъ, — и ті стали убогати. »Дурні дівчата, каже старший, чогò-ще ви такъ жахаєтєсь? кажү-жъ бо вамъ: насъ нічого боятьця; бо ми не гайдамаки а козаки.« И пані, така ласкава, такъ насъ голубе та заспокоює... »Чії ви?« пи-тає у насъ. Трусаячіє та крізь слєзи ми розказали. »Дежъ ваші бать-кі, та нєньки?« — »Не знаємо, паночку голубчику, не знаємо, баренько; якъ пішли въ поле, коли въ селі було ще тихо, — то й досі нема.« По-

хита́въ голово́ю повко́вникъ (бо то бувъ повко́вникъ, а пані — ёго́ жінка), а далі й ка́же: »посі́дьте-жъ ви тро́хи въ ха́ті, та нічо́го не жаха́йтесь, ми за́йдемо ще до васъ.« Отъ тро́хи зго́ломъ захо́дять и ка́жуть: »та́къ я́къ тепе́рь у васъ нема́ рідні ні жа́дної душі, то ми візьме́мо васъ до се́бе.« Попріпада́ли ми до сто́лу та гірко, гірко запла́кали, и пла́кали ми вже тоді не відъ переля́ку, а звісно, чо́го ми пла́кали.

Люди ка́жуть: оте́ць небес́ний пече́тця объ сирота́хъ... Щіра́я тому́ пра́вда. Не забу́въ вінъ и на́съ біднихъ, а посла́въ всімъ трёмъ одного́ ба́тька и ма́тірь. Що́ то за до́брі люди бу́ли — и Го́споди... Пере́везли вони́ на́съ всіхъ трё́хъ у Миргоро́дь; та́мъ и замі́жъ всіхъ поода́вали. Мене́ за ва́шого ді́да, вінъ гна́въ тоді табу́нъ и за́німа́вся кушні́рствомъ; — а тихъ за дякі́въ, за́разъ-же їхъ чоло́віківъ пострі́гли въ дія́кони и пере́вели въ Херсо́нь... Оди́нъ изъ нихъ дія́кономъ и вмеръ, а дру́гий дослу́жився протопо́пи. Мій-же чоло́вікъ, та́мъ го́дивъ чере́з сті́лку, то́жъ пере́їхавъ въ Херсо́нь, та ту́ть и обжи́вся. Въ Херсо́ні всі́ три наре́ченні се́стри дру́жно та ми́рно и ві́ку дожи́ли.»

Василь Тищенко.

1861 року, 21 февраля.
Новогеоргиевскъ (Херс. губ),
що ко́лись бувъ Кри́лівъ.

ПЛАТУНИ.

Старі козаки-січовики (поки ще не попереводились) було розказують такъ: що въ запорозцівъ на Дніпрі піхота сиділа въ Січі, а комінники жили въ Великому Лузі, для доброї паші конямъ. Тамъ вони пускали коні въ табуні. Кошовий насилавъ військового ста́дника (бо тоді ще не звались табунцями). Військовий ста́дникъ мавъ піріачъ залізний ⁽¹⁾; ёму комінники наряджали зъ себе підпасичівъ, котрі змінялись другими по черёжно. Якъ піхоті, такъ и комінникамъ, вільно було въ мірне вре́мня займатьця—кому рибальствомъ, кому пласту́нствомъ; а ремесні козаки ⁽²⁾ zostавались въ Січі. Пластуні стріляли дикий звірь, якого тоді въ дніпровихъ плавняхъ було доволі. Пластунами, кажуть, звались за те, що непосидячі були, все вештались по плавняхъ и якъ більше їмъ приходилось місить грязь, ніжъ ходитъ по сухому, сирічъ пластать, то й прозвались пластунами. Що зробилось зъ Січю и запорозцями—всі знають (бодай не згадувать). Дванадцять роківъ ні Січі ні Запорожжя не було. На тринадцатому Турчинъ піднявся, стався розмиръ; почали викликать козацтво. Ось коли ёго впя́ть стало треба!—Пішовъ и старий и молодий, зібралось військо; зробили й кошъ: два роки звали ёго *кошемъ вірнихъ козаківъ*. Якъ же посідала піхота на лотки підъ Очаковомъ, та зайшовши зъ Чорного моря, взяла сама безъ помічі відъ московської варми, на острові Березані турецьку крі-

(1) Залізний ста́дницький піріачъ и теперъ є, підъ охраною Ейського джуретга, въ Чорноморіі.

(2) Сидільники, лимарі, ковалі, слюсарі, кравці, шевці и инші. Такъ було зпершу и на Чорноморіі въ Новій Січі.

пость, то тоді й прозвано їх *вірнимъ військомъ Чорноморськимъ*. За те, бачъ, що вони на Чорному морі зъ своїхъ лотокъ пұшками, з'бандірували Тұрчина: не виробивъ буліголова, здавъ кріпость нашимъ зъ усіма пұшками, знаменами и всімъ запасомъ.

Въ сёмұ розмирі, пластуні були и въ піхоті и въ комінникахъ, але не було їхъ відко. Якъ же замиривъ Тұрчинъ, Чорноморці прийшли на Кубань. Тамъ на Кубані, знайшли вони такі жъ плавні, якъ и на Дніпрі. Жонатихъ стали обселять слободами, а сірома — хто ремесний — въ Нову січъ, по куреняхъ ⁽³⁾, а охочі до звіря — розсіпались по плавняхъ и на запорозькій гшталть добувались. При пластунахъ були охочі хлопці, при нихъ вони й зростали, а вивчившись характерствā, робились пластунами. Цілу осінь и зіму, поки звірь порохковий ⁽⁴⁾, пластуні жили въ плавняхъ, а весною, приходили въ слободи и приносили свою добиччъ, звірічі смұхи, продавали їхъ, купували порохъ, оливо и изъ одєжі що треба. На останню жъ копійку, поводивши музикъ на піднітку, інші зоставались до осені на літню роботу въ слободахъ и хуторахъ, а інші заразъ одходили въ плавні: хто стрільцювать, а хто рибалчить. Плавні въ Чорноморіі, не тільки на одній Кубані, вони закривають мало не половину берега Азовського моря; въ нихъ водятця: олені, дикі кози, дикі свині, вовкі, лисиці, відніхи, харсуні ⁽⁵⁾, а въ рідкість попадаютьця й бобрі. Пластуні, окрімъ стрільби зъ ружжя, ставляють всякі самолові: капкани, стұпиці ⁽⁶⁾, цівки ⁽⁷⁾, пружини ⁽⁸⁾, сільця, ниткі, або тенєта. Пластунъ не зна роскоши, не гараздъ одіжний, поневіряетця, а пластунства не кидаетця. Високі камиші, полóма, містами чагаръ, зхищають ёго. Одно небо въ плавні пластунъ бачить, якъ глянє вгóру; по ёго ясныхъ зóряхъ, въ ночі, міркує вінъ собі дорóгу, а якъ хмáрно, то по вітру, котрій нагинає верхі очеретівъ висóкихъ. У вітеръ, якъ у день, такъ и въ ночі, сама

⁽³⁾ 1793 году Кошъ Чорноморський на Кубані зробивъ кріпость, курені, отó и звали до сёго Чорноморці Січью. Тодіжъ гóродъ Катеринодаръ.

⁽⁴⁾ Порошковий звірь щитаєтця відъ 1 паздерника до 1 березóля.

⁽⁵⁾ Барсуки.

⁽⁶⁾ Деревяна снасть, замість капкана, хитро пострóбена, — звіріну хацає за пāльці відъ лапи.

⁽⁷⁾ Пружини сь вірєвчатими сільцями, на вірєвку дұдка, абó цівка для того, що якъ пійма звіріну сільцє за нóгу, то дұдка по бичóвці присўнеца де нóги и звіряка переგრїзла бъ верєвку, такъ мұсить грїзти дұдку, абó цівку.

⁽⁸⁾ Тежъ, тільки безъ цівки стāвица похвātань.

лучча охота. Якъ вітеръ подихає, зашелестить комишъ, пластунъ идє ходо́мъ сміло, а якъ вітеръ оддыхає, то вінъ сто́я наслухає. Ота́къ идучи наткне́тця близько на звіря́ку. Підъ вітеръ пластунський вистрі́ль не поло́ха звіря; бо пластунъ идє проти́въ вітру, то вітеръ одъ є́го и луну́ зно́сить за собо́ю. Коли́ жъ вітру не буває, то пластунъ підбармю́ветця, ходо́мъ тіє́й звіря́ки, яку́ вінъ по мі́сту сподіва́етця знайти́. У ко́жного звіря въ пла́вні є́ свій по́хідъ, примі́рь: олень ма́є хідъ рівний; свиня́ прошелестить ходо́мъ рівнимъ, становитця и наслухає и ви́ять тежъ; ко́за — прийшовши рівно́ разівъ два, три, ско́чить; вовкъ ма́є хідъ рівний, та якъ ме́нший за о́леня, то й шу́му одъ є́го въ коми́ші ме́нше. Такъ пластуни́ примі́нившись, з'уча́ють по́хідъ про́чого звіря. Підпу́стивши звіря́ близько, пластунъ не да́етця є́му въ зна́ки, щобъ не спо́лохати, а по́нявши, яка́ звірі́на, стрі́ля на трі́скъ и му́сить пова́лити. Ото́жъ и пластунъ, що, не ба́чивши звіря́ очі́ма, застрѣ́лить є́го певно́, та ще та́къ угадає́, щобъ вистрі́ль не пропа́въ; примі́ри: ди́кого кну́ра б́єе по лопата́хъ, або підъ вухо́; непова́лений на мі́сті кну́ръ ки́даетця на димъ и свої́ми здоро́вними і́клами поруба́є пластуна́, якъ не вспе́є зхі́битись. Убі́ту дичъ му́сить ви́бандури́ть, щобъ не спо́ртилась, и, зробі́вши скі́лько на́крутокъ на коми́ші, щобъ пі́сля мо́жна було́ знайти́, идє́ да́льше. На дру́гий, інколи́ на тре́тій де́нь, пластунъ зъ хло́пцемъ або́ зъ това́ришемъ, иду́ть за́брати побі́ту дичъ, яко́ї пластунъ са́мъ за́братъ не змігъ. Зъ незві́домого жъ звіря́, примі́ромъ: во́вка, харсу́на и про́че, деру́ть одні́ смухи́. Тимъ вре́мямъ, якъ пластунъ ходи́ть на охоту́, є́го хло́пецъ зъ ку́ріня оббі́га розста́влені́ по стежка́хъ кашка́ви, чи сту́пиці, сі́льця; пови́берає́ що по́вало́сь; по́зніма́ смухи́; переба́нить лову́чий по́судъ (бо́ звірь на закрі́вавлений кашка́нъ або́ сту́пицю не пі́де), та зно́въ розста́вить по́ стежка́хъ. Інші́ пластуни́, чоло́віка по́ два́ й по́ три живу́ть въ односу́мстві́, въ одні́мъ ку́рені́, то ота́кі односу́ми розі́ходятця́ на охоту́ по се́кту въ різні́ сто́рони, щобъ оди́нь на дру́гого не наткну́вся. Бо́ тра́пляетця́ въ-рі́дкость, що́ інши́й не зде́ржавъ се́кту, та́ й поверне́ въ ту сто́рону, де́ вже ходи́ть оди́нь това́ришъ, а якъ вся́кий пластунъ въ пла́вні де́ржить по́хідъ ті́й звірі́ни, підъ ко́тру бармю́етця, то, обмані́вшись обі́два, уби́ває́ това́риша той ізъ і́хъ, хто по́спі́шитця́ по́переду́ вистрели́ть.

Въ пла́вняхъ бува́ють су́хі грі́ди. На нихъ ро́блятця́ пластунські́ ку́рені́.

Пластуни́, въ прикуба́нськихъ пла́вняхъ, ста́ли ча́сто натика́тьця́ на Черке́сь, ко́трі прокра́даюця́ пла́внями́ черезъ Куба́нь (Чорномо́рську

грянницю) въ нашу сторону, щобъ украсти корову, або вола, ато й чоловіка. Якъ набредуть на шляху, або въ полі, то, вставивши ёму жеребюкъ въ ротъ, та на бичівці п затигнуть до себе въ неволю, або й порубають. Отъ симъ-то пластунамъ уже не до охоти; їмъ охота випадати вже на чоловіка зъ такимъ же розумомъ, якъ и вони. Затимъ обходи пластуницькі роблятьця по два, ато й чатами: одинъ за однимъ идуть не близько, бо буває, якъ Черкеси засядуть, то, вдаривши залпомъ зъ ружжя, можуть побити, або кинувшись раптомъ похопати, то и идуть, кажуть, пластуні, хотіа въ день, хотіа въ ночі чатаю: одинъ за однимъ рідко. Коли передній стане, то й другий и третій и всі тежъ, а чи присяде — то й всі. Якъ передній вислухає, такъ и всі. Хто когдъ підстереже: чи пластуні вперёдъ замітять черкесъ, то їх и верхъ, а якъ що черкеси, то й пластунамъ біда. Хибіа не сила тихъ, що вперёдъ замітять, то й пропустять сильнішу чату, сидючи мовчки. Якъ же черкеси, то після такого случая, або жъ вертаютьця назадъ, або идуть скоріше на дрянанину дальше; а якъ пластуницька не-сила, то, пропустивши черкесъ, бьють зъ потилиці. Одъ такої пінфи гаспидьська орда губить рахубу, падає, де хто понавъ. Нарізуваютьця на черкесъ теперъ не приходятьця, треба умкнати, бо пластуні себе визначили, що мало їх, и якъ би їмъ одкрито вдаритьця на черкесъ, то їх ружжя не вистрелене и всякий їх вистрілъ буде безъ промашки, алежъ вони дальше не підуть, треба вернутись, бо одъ пластуницькихъ вистрілівъ границя зтревожилась, то черкесамъ вдаті не буде.

Найлучче пластуні плюндрують черкесъ на їх стороні. Тамъ вони въ себе не бережутьця и якъ разъ який наріжетця на пластуна, то й аминь ёму.

Щобъ написати всі пластуницькі порядки, то булабъ ціла кийжка. Може знайдутьця молодчі, до того охочі. Я жъ, здається, сказавъ стільки, що видно буде жодному, що то за пластуні?

Спражний пластунъ загавка якъ лисіця, зачміше якъ кабанъ; крикне якъ олень, або якъ коза дика, заспіває дикимъ півнемъ, захарчить харсуномъ, завіє вовкомъ, забреше собакою. Жоденъ пластунъ хочъ одно, або двоє зъ такихъ удачъ въ собі має. Воно буває нужно подати, який буде у нихъ по секту, голосъ; або якъ розсіпавшись у плавні, нужно буде швидко зібратця до кұпи; чи по якій мові треба подати другому гасло.

Такъ якъ пластуні ходять отъ жодного кардона и жодна чата мусить обходити своє займище, то у їхъ есть по секту прекмети: або суха вер-

ба, або кущъ чагарію, озіріце, підкова, накрутка на комішю, або прямо комішъ клічений ⁽⁹⁾. Тамъ лежить схована прикмета: або цур'уналочокъ, або що інше; якъ чага вепіла дійти впередъ, то та, знайшовши прикмету, переклада її на другий ладъ и вертається. А якъ прийде після друга чага, то зразу и пойме, що товариство зъ другого кардона доходило до того місця; переложивши зновъ прикмету, вертаються назадъ другимъ обходомъ, або розсипаються на охоту по плавні.

Підъ засідку на стежкахъ кидають противъ ночі сухого комішю, або дрібнихъ сухихъ гиллячокъ, котрі на огні засушуються впередъ. Памятаєте, панове, якъ пластунъ б'є на тріскъ звіря? Отожъ, накидавши на стежку сусі, пластуні залягають, и якъ крадеця черкєсъ по тій тропі, то підъ ногами въ ёго сушъ и трісне, то отутъ ёго и пластунъ трісне....

Наші пластуні одягаються въ черкєську одєжу и, підъ їхъ барм'ючись, запускають бороди, хто хоче; на поясі ремінному носять: кінжалъ зъ ножємъ, жарівницю, чабалтасъ кулішницю, відвертку. За поясомъ пістоль и збоку черкєську шабельку. На ногахъ онучі суконні, або портяниці сь шерстяніми, або прядів'яними воліками. Черевіки, або постільці, більшъ свинячі навєрхъ шерстю, щобъ не шамтіло въ траві.

Не диво пластунамъ бути и прудкими и чуткими, второпними й проворними. Зимію на холоді, а літомъ на комаряхъ та зъ голодомъ. Не бачивши луччого, думали, що такъ на всімъ світі. Трапилось їмъ бути въ Севастополі, якъ Турки, Франці та Британці держали зъ нами розмір'я. »Тамъ, кажуть, годували насъ добре, давали горілку; нужді такої не приняли, якъ у себе на кардонахъ. Вікъ би такъ служили й до-дому не пішли бъ. Насъ тамъ хвалили, та не знаємъ за що, бо ми привикли рівно тягти службу, якъ той вілъ, не хібили з'рідусь.

Я. Г. КУХАРЕНКО.

(9) Для успіху кліяють комішъ: охвативши въ оберёмокъ стоячого на пні комішю и стиснувши ёго кріпко руками, переломлюють: комішъ, випущений зъ рукъ, розступитця и, зоставшись переломленимъ, покаже признаку.

На-добра-нічъ усімъ на нічъ!

Дайте одпочіти...

Хто кохає мене щиро—

Не буде будити.

Не будіте, міле браття,

Мене зь домовини:

Ой не хочу я до сѣду

Бачити України!

А на сѣді знову бѣду

Господа благати,

Щобъ вернутись працювати

До вбогої хати:

»Ой не живъ я, Бже правий,

На білому свѣті:

Рвавъ терні я по дорозі,

Не рожеві квіти.

Не дознавъ я, Бже правий,

Любого впокою

За неправдою людською,

Долею тяжкою.

Верні, Бже, дорогіі

Літа молодіі,

Що звialiли, отруїли

Ворогї лихїі.

Верні, Бже, мою сілу,

Що гиїлась-хилилась,

На наругу, на забаву

Людямъ знадобїлась.

Верні Бже, мене зь раю

До рїдної хати,—

Бѣду, вь хаті працювати,

Тебѣ прославляти.»

Т. Вешнякъ.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ ГУБЕРНСКИХЪ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЙ ВЪ ЮЖНОРУССКОМЪ КРАѢ.

До-сихъ-поръ, въ отдѣлѣ правительственныхъ распоряженій, касающихся южно-русскаго края, мы помѣщали и главнѣйшія постановленія правительства, относящіяся до крестьянскаго дѣла. Съ нынѣшняго года мы нашли полезнѣе, согласно желанію многихъ, ввести важнѣйшія распоряженія правительствавъ нашу лѣтопись, и обратить особенно вниманіе на дѣятельность мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений. Постановленія губернскихъ присутствій южно-русскаго края будутъ сообщаться въ *Основы* постоянно. Они имѣютъ важное значеніе: служа какъбы дополненіемъ и разъясненіемъ общихъ основаній, изложенныхъ въ «Положеніяхъ», эти постановленія указываютъ на мѣстныя потребности и особенности, и дѣлаясь обязательными для помѣщиковъ и крестьянъ той губерніи, гдѣ они состоялись, получаютъ такимъ-образомъ силу мѣстнаго закона.

На первый разъ мы помѣщаемъ, извлеченія изъ постановленій мѣстныхъ губернскихъ присутствій за первые восемь мѣсяцевъ со времени ихъ открытія.

Постановленія Черниговскаго губернскаго присутствія, открытаго 16 марта ().*

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Началомъ лѣтняго полугодія считается: а) въ уѣздахъ Остерскомъ, Козелецкомъ, Нѣжинскомъ, Борзенскомъ, и Коногонскомъ — 1 апрѣля; б) въ уѣздахъ Черниговскомъ, Городницкомъ, Сосницкомъ, Кролевецкомъ, Глуховскомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ — 10 апрѣля;

(*) Эти постановленія извлечены изъ *Лѣтописи Сельскаго Благоустройства*, издававшейся Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ,

в) въ уѣздахъ Новозыбковскомъ и Стародубскомъ—13 апрѣля; г) въ уѣздахъ Мглинскомъ и Суражскомъ—23 апрѣля.

Оцѣнка рабочаго дня. Установлена слѣдующая оцѣнка мужскихъ рабочихъ дней:

А) Въ уѣздахъ Борзенскомъ, Козелецкомъ, Конотопскомъ, Нѣжинскомъ и Остерскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 1 апрѣля по 13 іюня. 23 к.
— 13 іюня — 1 іюля. 40 —
— 1 іюля — 13 августа . . . 60 —
— 13 августа — 1 октября . . . 30 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 1 октября по 1 апрѣля. 17 к.

Б) Въ уѣздахъ Городницкомъ, Глуховскомъ, Кролевецкомъ, Новгородсѣверскомъ, Сосницкомъ и Черниговскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 10 апрѣля по 29 іюня. 23 к.
— 29 іюня — 10 іюля. 40 —
— 10 іюля — 23 августа . . . 50 —
— 23 августа— 10 октября . . . 30 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 10 октября по 10 апрѣля. . . . 20 к.

В) Въ уѣздахъ Новозыбковскомъ и Стародубскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 13 апрѣля по 29 іюня. 30 к.
— 29 іюня — 13 іюля. 40 —
— 13 іюля — 23 августа . . . 50 —
— 23 августа— 13 октября . . . 33 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 13 октября по 13 апрѣля. . . . 20 к.

Г) Въ уѣздахъ Мглинскомъ и Суражскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 23 апрѣля по 29 іюня. 30 к.
— 29 іюня — 20 іюля. 40 —
— 20 іюля — 23 августа . . . 50 —
— 23 августа— 23 октября . . . 33 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 23 октября по 23 апрѣля. . . 20 к.

Плата за подводы. При посылкѣ подводу на разстояніи даѣе суточного пути, харчевое и кормовое продовольствіе полагается по 1 коп. сер. на каждую версту и подводу.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. Владѣлецъ, увольняющій отъ обязательныхъ отношеній неспособнаго къ работѣ двороваго человека, безъ его на то согласія, обязанъ, при самой выдачѣ ему увольнительнаго акта, внести мировому посреднику, для передачи

увольняемому, денежное вознагражденіе, равняющееся стоимости того полного содержанія, которое означенный дворовый человѣкъ получалъ отъ бывшаго своего помѣщика. Сумму этого вознагражденія должна составлять совокупная стоимость продовольствія и одежды, которыя получалъ увольняемый; мѣра же вознагражденія за помѣщеніе и отопленіе, которыми онъ пользовался, опредѣляется мировымъ посредникомъ по мѣстнымъ соображеніямъ. Вознагражденіе выдается на все время, остающееся со дня выдачи увольнительнаго акта, до истеченія 2-хъ лѣтняго срока, по мѣсячному разсчету, причеиъ неполный мѣсяцъ принимается за полный. Точное опредѣленіе суммы вознагражденія, слѣдуемой увольняемому, неспособному къ работамъ, дворовому человѣку, предоставляется мировому посреднику, который при этомъ случаѣ руководствуется средними, существующими въ каждой мѣстности на всѣ предметы содержанія цѣнами.

Постановленіа Полтавскаго губернскаго присутствія, открытаго 12 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Лѣтнее полугодіе считается съ 1 апрѣля, а зимнее съ 1 октября.

Оцѣнка рабочаго дня. Для оцѣнки рабочихъ дней, хозяйственный годъ раздѣляется на три періода: 1) отъ 1 іюня по 1 сентября; 2) отъ 1 апрѣля по 1 іюня и отъ 1 сентября по 1 октября, 3) отъ 1 октября по 1 апрѣля. Кромѣ того, уѣзды Полтавской губерніи раздѣлены на два разряда: къ первому изъ нихъ причислены уѣзды Полтавскій, Кременчугскій и Константиноградскій; ко второму всѣ прочіе уѣзды Полтавской губерніи. На основаніи этихъ 2-хъ дѣленій, цѣнность рабочихъ дней опредѣляется:

	Въ 1-й мѣстности	Во 2-й мѣстности.
Въ теченіе 1-го періода	30 коп. сер.	33 к. сер.
— — — 2-го — —	23 — —	20 — —
— — — 3-го — —	20 — —	13 — —

Плата за подводны. Подводнику на его харчи и на кормъ лошадей или воловъ, при посылкѣ помѣщикомъ подводъ на разстояніе далѣе суточного пути, выдается: въ лѣтнее полугодіе т. е. съ 1 апрѣля по 30 сентября подводнику съ одноконною подводой по 23 коп. и съ пароволовою по 23 коп. на каждыя сутки; а въ зимнее полугодіе, т. е. съ 1 октября по 13 марта 1862 г. подводнику съ одноконной подводой по 23 коп. и съ пароволовою по 30 к. на каждыя сутки.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. При увольненіи неспособныхъ дворовыхъ людей, владѣлецъ обязанъ внести по 10 руб. на каждую ревизскую душу, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семействѣ заключается болѣе одной души; если же увольняется казѣка или старикъ безсемейный, то ему назначается по 12 р. въ годъ.

Уточное положеніе.

Размѣръ дневнаго урока для одного работника.

I. Обработка поля подъ посѣвъ или посадку.

1. Работникъ съ паромъ воловъ долженъ наложить и вывезть навоза, на-
кладывая на каждый возъ до 30 пудовъ:

			въ лѣтній день	въ зимн. день:
а) На разстояніи не болѣе	1 вер.	10 возовъ	7 возовъ	
б) — — —	$1\frac{1}{2}$	8 — —	6 — —	
в) — — —	2	7 — —	5 — —	
г) — — —	$2\frac{1}{2}$	6 — —	4 — —	
д) — — —	3	5 — —	3 — —	

Примѣчаніе. Работникъ съ одноконной подводой долженъ набирать до 20 пудовъ навоза въ разъ, и сдѣлать однимъ концемъ больше противу вышеозначеннаго урока.

2) Вспахать поля, при глубинѣ вспашки до 4-хъ вершковъ и при ширинѣ лѣнія далѣе 6 верстъ, то на проходѣ бороздъ до 3 вершковъ.

Если мѣсто работы удалено отъ селенія далѣе 6 верстъ, то на проходѣ туда и обратно изъ урока вычитается:

При разстояніи отъ селенія до	7-ми верс.	8-ми верс.	9-ти верс.	10-ти верс.	11-ти верс.	12-ти верс.
к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.

а) Мягкаго поля	$\frac{1}{2}$ дес.	50	100	150	200	250	300
б) цѣлиннаго или глинистаго	$\frac{1}{3}$ —	$33\frac{1}{3}$	$66\frac{2}{3}$	100	$133\frac{1}{3}$	$166\frac{2}{3}$	200

3) Заралить однозубнымъ раломъ:

а) Свѣжей вспашки	$\frac{1}{2}$ дес.	50	100	150	200	250	300
б) Прошлагодной вспашки	$\frac{1}{3}$ —	$33\frac{1}{3}$	$66\frac{2}{3}$	100	$133\frac{1}{3}$	$166\frac{2}{3}$	200

4) Заборонить разъ вдоль и два раза поперекъ: одной парой воловъ или одной лошадыю

$\frac{1}{2}$ дес.	50	100	150	200	250	300
--------------------	----	-----	-----	-----	-----	-----

Примѣчаніе 1. Каждому работнику можетъ быть поручаемо 2 бороны, причемъ двумя боронами онъ долженъ заборонить вышеозначеннымъ порядкомъ цѣлую десятину.

Примѣчаніе 2. Всѣ вышеозначенныя работы производятся орудіями и скотомъ помѣщика; кромѣ того при вспашкѣ помѣщикъ обязанъ давать, къ плугамъ, по одному погонщику къ двумъ парамъ воловъ.

II. Уборка хлѣба и другихъ растений.

3) Скосить въ день:

На голую косу:

а) Озимаго и яроваго хлѣба, при плохомъ урожаѣ	$\frac{1}{2}$ дес.	50	100	150	200	250	300
б) Яроваго хлѣба, при хорошемъ урожаѣ	$\frac{2}{3}$ —	40	80	120	160	200	240
в) Озимаго	$\frac{1}{3}$ —	$33\frac{1}{3}$	$66\frac{2}{3}$	100	$133\frac{1}{3}$	$166\frac{2}{3}$	200

На грабки:

а) Озимаго и яроваго хлѣба при плохомъ урожаѣ	$\frac{2}{3}$ дес.	40	80	120	160	200	240
б) Яроваго хлѣба при хорошемъ урожаѣ	$\frac{1}{3}$ —	$33\frac{1}{3}$	$66\frac{2}{3}$	100	$133\frac{1}{3}$	$166\frac{2}{3}$	200

- а) На степномъ сѣнокосѣ съ 3 дес. 300 $\frac{1}{4}$ дес. 900 $\frac{1}{2}$ дес. 1300 $\frac{3}{4}$ д.
 б) На луговомъ и болотномъ нетоп-
 комъ. съ 2 — 200 400 к. с. $\frac{1}{4}$ д. $\frac{1}{2}$ д. 1000 $\frac{1}{2}$ —
 в) На топкомъ болотѣ. съ $\frac{1}{2}$ — 150 300 450 к. с. $\frac{1}{4}$ — 750 900

12) Скидать сѣна въ стогъ или скир-
 ду (считая въ коннѣ около 10

пуд.) 30 коннѣ $1\frac{1}{4}$ к. $2\frac{1}{2}$ к. $3\frac{3}{4}$ к. 5 к. $6\frac{1}{4}$ к. $7\frac{1}{2}$ к.

13) Скосить камыша и сложить въ к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. к. ар.
 сажень въ зимній день . $1\frac{1}{3}$ куб. с. $\frac{3}{4}$ $1\frac{1}{5}$ $1\frac{4}{5}$ $2\frac{2}{5}$ 3 $3\frac{2}{5}$

14) Сжать камыша и связать въ кули
 мѣрою каждый въ 16 вершковъ окруж- куля куля куля куля куля куля
 ности 50 кулей $2\frac{1}{12}$ $4\frac{1}{6}$ $6\frac{1}{4}$ $8\frac{1}{5}$ $11\frac{3}{12}$ $13\frac{1}{2}$

III. Приготовленіе продуктовъ къ про-
 дажѣ или потребленію.

15) Смолотить въ день лѣтнаго по-
 лугодія:

		сноп	сноп.	сноп.	сноп.	сноп.	сноп.
Ржи и пшеницы . . .	$1\frac{1}{2}$ копы	$3\frac{3}{4}$	$7\frac{1}{2}$	$11\frac{1}{4}$	15	$18\frac{3}{4}$	$22\frac{1}{2}$
Прочаго хлѣба. . . .	2 — —	5	10	15	20	25	$\frac{1}{2}$ коп.

Въ день зимняго полугодія:

Ржи и пшеницы . . .	1 — —	$3\frac{1}{5}$	$6\frac{2}{5}$	10	$16\frac{2}{3}$	$16\frac{2}{5}$	20
Прочаго хлѣба. . . .	$1\frac{1}{4}$ — —	$4\frac{1}{6}$	$8\frac{1}{5}$	$12\frac{1}{2}$	$13\frac{1}{5}$	$20\frac{3}{5}$	25

Примѣчаніе. Вымолоченное зерно
 должно быть, при этомъ, сложено въ
 ворохъ (кучу), солома же должна быть
 убрана съ тока и сложена въ ожерель
 на разстояніи, впрочемъ, не даѣе 30
 саж. отъ мѣста молотыбы.

16) Остричь овецъ . . 12 штукъ $\frac{1}{2}$ ш. 1 ш. $1\frac{1}{2}$ ш. 2 ш. $2\frac{1}{2}$ ш. 3 ш.

17) Нарубить дровъ и сложить на к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. к. ар.
 мѣстѣ рубки $\frac{1}{5}$ куб. саж. $\frac{1}{2}$ 1 $1\frac{1}{2}$ 2 $2\frac{1}{2}$ 3

18) Выдѣлать сыраго кирпича изъ шт. шт. шт. шт. шт. шт.
 готовой вымѣшанной глины 500 штукъ $20\frac{5}{6}$ $41\frac{2}{5}$ $62\frac{1}{2}$ $83\frac{1}{5}$ $104\frac{1}{6}$ 125
 Съ поправкою сдѣланнаго на кануиѣ.

Примѣчаніе. Мѣра выдѣлываемаго по
 урокамъ кирпича должна быть слѣду-
 ющая: длина 6 вершковъ, толщина $1\frac{1}{2}$
 вершка.

VI. Земляныя работы.

19) Уроки для земляныхъ работъ
 устанавливаются лишь для копанія рвовъ
 и канавъ и притомъ не глубже $2\frac{1}{2}$ ар.
 отъ поверхности почвы.

а) При прорытіи рвовъ и канавъ не
 глубже $1\frac{1}{2}$ арш., каждый работникъ
 долженъ выкопать:

		к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.
Въ лѣтній день. . .	24 куб. арш.	1	2	3	4	5	6
Въ зимній день. . .	18 — —	1	2	3	4	5	6

б) При глубинѣ отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ ар.:

Въ лѣтній день. . .	18 куб. арш.	$\frac{3}{4}$	$1\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{4}$	3	$3\frac{3}{4}$	$4\frac{1}{2}$
Въ зимній день. . .	$13\frac{1}{2}$ — —	$\frac{3}{4}$	$1\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{4}$	3	$3\frac{3}{4}$	$4\frac{1}{2}$

Примѣчаніе: Неподежить урочному положенію копаніе рововъ и канавъ: а) на низменной, болотистой почвѣ, б) на почвѣ каменистой, в) при мерзлой землѣ и г) въ мѣстахъ, гдѣ древесныя корни и пни мѣшаютъ успѣху работы.

По желанію одной изъ двухъ сторонъ, введеніе урочнаго положенія обязательно лишь по введеніи уставныхъ грамотъ; до введенія же уставныхъ грамотъ это урочное положеніе можетъ быть введено лишь по добровольному согласію обѣихъ сторонъ.

Постановленія Екатеринославскаго губернскаго присутствія, открытаго 13-го марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Для крестьянскихъ работъ по всей губерніи (кромѣ Ростовскаго уѣзда и южной части Александровскаго) началомъ лѣтняго полугодія считается 1-е апрѣля, и началомъ зимняго 1-е октября; а для Ростовскаго уѣзда и южной части Александровскаго, началомъ лѣтняго полугодія 13-е марта, а зимняго 13-е сентября.

Оцѣнка рабочаго дня. Для оцѣнки рабочихъ дней, губернія раздѣлена на 3 мѣстности. Къ первой отнесены уѣзды: Верхнеднѣпровскій и Новомосковский, въ которыхъ цѣны рабочихъ дней установлены такія: мужской лѣтній день 30 коп., женскій лѣтній день 30 коп.; мужской зимній день 23 коп., женскій зимній день 13 коп. Ко второй мѣстности относятся уѣзды: Екатеринославскій, Павлоградскій, Бахмутскій и Славяносербскій, въ которыхъ рабочіе дни оцѣнены такъ: лѣтній мужской 60 коп., а женскій 33 коп.; зимній мужской 33 коп., а женскій 20 коп. Къ третьей мѣстности отнесены уѣзды Александровскій и Ростовскій, въ которыхъ лѣтній мужской день оцѣненъ 63 коп., а женскій 40 коп.; зимній мужской день 40 коп., а женскій 20 коп.

Плата за подводныя. При посылкѣ подводъ на разстояніи далѣе сутаго пути, а именно: конныхъ подводъ далѣе 30, а на волахъ далѣе 20 верстъ отъ того селенія, гдѣ живетъ крестьянинъ, помѣщикъ выдаетъ подводчику, на его харчи и на кормъ пары воловъ, по 10 коп. сер. въ день (или на каждыя 20 верстъ), а для подводчика съ лошадыю по 13 коп. въ день (или на каждыя 30 верстъ.)

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людемъ. а) На каждаго неспособнаго къ работѣ двороваго человека выдается въ мѣсяцъ по 2 р. сер., а на таковаго же малолѣтняго по 1 р. сер.; б) возрастъ для взрослаго считается, по мѣстному обычаю, съ 14 лѣтъ; в) если взрослый человекъ семейный, то съ нимъ вмѣстѣ должны быть уволены его жена и дѣти; но въ этомъ последнемъ случаѣ владѣлецъ обязанъ вносить установленную плату за тѣхъ только членовъ семейства увольняемаго, которые также къ работѣ неспособны.

Урочное положеніе. Каждый работникъ и каждая работница обязаны, въ одинъ день, отработывать одинъ изъ слѣдующихъ, свойственныхъ ихъ полу, уроковъ: (въ этомъ урочномъ положеніи для измѣренія вездѣ принята десятина казенной мѣры (2400 кв. сажень).

I. Обработка земли, оранка и бороньба.

1) Заорать (запахать) никогда непаханной (цѣлинной) земли одну треть десятины.

2) Заралить однимъ раломъ (отъ трехъ до пяти зубьевъ), въ одинъ слѣдъ двѣ десятины.

3) Заорать многолѣтняго залежа и мягкой земли $\frac{1}{2}$ десятины.

4) Забороновать, въ три слѣда, одну десятину.

Примѣчаніе 1. При всѣхъ этихъ работахъ, при которыхъ употребляются волю или лошади, рабочіе приставленные за погоничей, на выше указанныхъ разстояніяхъ, ведутъ и погоняють рабочихъ животныхъ.

Примѣчаніе 2. Пашня (оранка) должна быть ровная, безъ пропусковъ, огрѣховъ и заломовъ.

II. Посѣвъ и уборка хлѣба.

1) Посѣять всякаго рода хлѣба на четырехъ десятинахъ.

2) Скосить всякаго рода хлѣба и льна полдесятины.

3) Связать снопы и сложить въ копны одну треть десятины.

4) Сжать серпомъ, связать и сложить въ копны всякаго рода хлѣба одну девятую часть десятины.

5) Скошеннаго и несвязаннаго въ снопы хлѣба и льну сгрести и сложить въ копны полдесятины.

6) Выдергать льну и связать въ снопики или горстки — одну пятнадцатую десятины.

7) Привезти сжатого или скошеннаго хлѣба съ поля въ токъ (гумно) и выкидать снопы зъ скирды:

При разстояніи отъ 4 до 5 верстъ 3 раза

— — — — — за 3 версты 4 — —

— — — — — — 2 — — 5 разъ

— — — — — — 1 версту и менѣе 6 разъ.

При разстояніяхъ промежуточныхъ между вышеуказанными—среднія количества изъ помянутыхъ цифръ.

Примѣчаніе. Количество копенъ на возахъ обыкновенныхъ полагается по роду хлѣба, отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$, а на гарбахъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 4-хъ. Для складки же привозимыхъ копенъ полагается на каждые шесть возовъ и на каждыя четыре гарбы по одному складчику.

III. Косовица и уборка сѣна.

1) Скосить сѣна полдесятины.

2) Сгрести сѣна въ валки одну десятину.

3) Сѣно, нагроможденное десятью гребнями, складываютъ въ копны, загромаживаютъ, загребають и отправляютъ три работника и одна работница.

4) Сложить сѣно въ полускирдъ, длиною въ 6 сажень, шириною въ 2 и чрезъ верхъ въ $8\frac{1}{2}$ саж.—шести человѣкамъ при двухъ парахъ воловъ. При кладкѣ же скирдъ, полускирдъ или стоговъ другихъ размѣровъ полагается: на 16 копенъ одинъ работникъ съ парой воловъ.

IV. Молотьба хлѣба, стрижка овецъ, копка земли и прочія мелочныя работы.

1) Вымолотить цѣномъ, съ очисткою зерна и уборкою соломы въ скирду, *въ лѣтнее полугодіе*, въ день: озимаго хлѣба—одну копну; яроваго $1\frac{1}{2}$ копны; арнаутки—30 сноповъ; *въ зимнее полугодіе*: озимаго хлѣба—одну копну; яроваго—одну копну; арнаутки 40 сноповъ.

2) Остричь овецъ:

Взрослыхъ — — — — — 15 штукъ

Ягнятъ годовалыхъ — — — — — 20 — —

Барановъ — — — — — 10 — —

3) Выкопать канаву:

а) Глубиною въ 1 арш., шириною въ верхнемъ разрѣзѣ въ одинъ арш.—погонныхъ сажень 9.

б) Глубиною $1\frac{1}{4}$ арш., шириною въ верхнемъ разрѣзѣ $1\frac{1}{2}$ арш., погонныхъ сажень 4.

4) Вырыть ямъ: въ мягкой землѣ 10 кубическихъ аршинъ; въ твердой землѣ—7.

5) Перекопать грядъ для огорода въ одинъ штихъ: въ мягкой землѣ 20 квадр. сажень, въ твердой землѣ 12.

6) Вырѣзать въ овчарнѣ кизяку, въ одинъ штихъ, толщиною въ 4 вершка мужчинъ—9 кв. саж.

7) Вывезти изъ сарая кизяку для просушки 9 кв. саж.

8) Выполоть руками, или истребить сорныя травы: женщинъ $\frac{1}{15}$ десятины.

9) Забить колья и заплести лозою огорожу, высотой въ 2 арш.—погонныхъ сажень 5.

10) Напрясть для простаго крестьянскаго холста изъ льну, пеньки, поскопи, на мотовило въ 2 арш.—3 пасемъ.

11) Выткать десятки 6 аршинъ; выткать сукна и ряденъ 8 аршинъ.

12) Наломать, съ надлежащими отъ экономіи инструментами, и сложить въ сажени: мягкаго камня $\frac{1}{8}$ куб. сажени, твердаго камня $\frac{1}{9}$ куб. сажени.

Всѣ прочія работы, какъ неподходящія подлѣ правильнаго учета, производятся поденными работами.

Постановленія Херсонскаго губернскаго присутствія, открытаго 19-го марта.

Плата за подводы. При посылкѣ крестьянскихъ подводъ на разстояніе далѣе суточнаго пути, владѣльцемъ выдается въ сутки: подводчику на харчи 10 коп., на кормъ пары воловъ 10 коп., и на каждую лошадь 10 коп.

Размѣръ пособія, назначаемаго уеольнлемымъ до срока дворовымъ людямъ. Мужчинъ и женщинъ свыше 14 лѣтъ полагается 36 р. въ годъ или 3 р. въ мѣсяцъ; отъ 9 до 14 лѣтъ—27 руб. въ годъ или 2 р. 23 к. въ мѣсяцъ и дѣтямъ моложе 9 лѣтъ—13 р. въ годъ или 1 р. 23 к. въ мѣсяцъ.

Урочное положеніе.

1) Вспахать въ день, мягкаго (переложнаго) поля, при плугѣ въ 6 воловъ, должно полдесятины (1200 кв. сажень).

2) Твердаго поля (цѣлины) при 8 волахъ—полдесятины.

Примѣчаніе. Пашня (оранка) должна быть ровная, безъ пропусковъ, огрѣховъ и заломовъ.

3) Передвоить (перепахать или перералить) десятину малымъ плужкомъ въ $1\frac{1}{2}$ дня; однопальнымъ раломъ въ одинъ день; трехпальнымъ, при двухъ парахъ воловъ, въ день—двѣ десятины.

Примѣчаніе. Когда поле заросшее (пырейное), то работа перепашки уменьшается на одну треть.

4) Боронить (заволочить) два раза одной бороной, при парѣ воловъ, переложнаго поля, въ день, одну десятину; цѣлиннаго поля, на десятину въ день $1\frac{1}{2}$ бороны пароволовой или 1 борона пароконная.

3) Засѣять одинъ человекъ долженъ, въ день, всякаго рода хлѣбомъ, 4 десятины; кукурузой—8 десятинъ.

6) Сжать серпомъ хлѣба, туго связавъ въ снопы и сложивъ, по мѣстному обычаю, въ полукопы или кисеры, съ одной десятины должны 10 рабочихъ.

Примѣчаніе. При урожаѣ, на десятинь болѣе 10 копъ, каждый рабочій долженъ сжать серпомъ 60 сноповъ, тугой вязи, мѣрою въ обхватѣ $1\frac{1}{2}$ аршина.

7) Убрать хлѣбъ косою, съ одной десятины, при урожаѣ отъ 10 до 13 копъ, въ день, должны 2 косаря и 4 вязальщицы; при меньшемъ урожаѣ $1\frac{1}{2}$ косаря и 3 вязальщицы.

8) Спать (спрашевать) десятину кукурузы, сильно заросшую въ день—10 рабочихъ; менѣе заросшую—8; баштана десятину заросшую—12, менѣе заросшую—10.

9) Наломать и вычистить кукурузы въ день, на каждаго рабочаго,—4 четверти кочановъ.

10) Скосить льна 10 дес. въ день—18 косарей; сгрести и сложить въ копны—4 копничника и 4 гребца.

11) Скосить травы 10 дес. въ день—17 косарей; убрать въ копны—11 гребцовъ и 3 копничника съ 1 загребальщицей.

Примѣчаніе. Тамъ, гдѣ убираемые поля не будутъ обмѣряны, уборка хлѣба и сѣна производится поденною работою.

12) Сложить сѣно въ скирду, длиною 10 саж., шириною 2 и чрезъ верхъ $7\frac{1}{2}$, въ день 7 работниковъ и 3 рабочихъ, при 3 паряхъ воловъ, для стягиванія копницъ.

13) Вымолотить цѣномъ, съ очисткою зерна и уборкою соломы въ скирду, въ лѣтніе мѣсяцы, въ день, рабочій долженъ: озимаго хлѣба—одну копу; яроваго $1\frac{1}{2}$ копы; арнаutki 40 сноповъ; въ зимніе мѣсяцы: озимаго хлѣба—30 сноповъ; яроваго—1 копу; арнаutki—40 сноповъ; кукурузы сухой, въ лѣтніе мѣсяцы, 10 четвертей въ кочанахъ.

14) Остричь въ день работникъ долженъ 23 овецъ; работница—20.

15) Нарубить и сложить трехполѣнныхъ дровъ въ лѣсу и на плавняхъ работникъ долженъ въ день $\frac{1}{4}$ кубической сажени, или 4 работника—одну сажень; причемъ вѣтви должны быть сложены въ кучи.

16) Камыша пажать, въ сырыхъ плавняхъ безъ воды, или набить по льду въ день—90 пучковъ, въ $\frac{3}{4}$ аршина вязи, со складкою въ кучи на берегу.

17) Хворосту или лозы нарубить или бурьяну накосить осенью и зимою и привезть, на разстояніи 5 верстъ, въ день—одинъ возъ; на разстояніи же 2 и менѣе верстъ—2 воза.

18) Вырыть каналы въ обыкновенномъ, не каменистомъ, грунтѣ, глубиною въ 1 арш., шириною сверху 1 арш. и на днѣ 6 вершковъ—рабочему въ день полагается 3 саж. въ длину. При той же ширинѣ, глубиною въ $1\frac{1}{2}$ арш.—3 саж. При поправкѣ старыхъ каналов—10 саж.

19) Выконать ямокъ, для посадки деревьевъ, глубиною и шириною въ 1 аршинъ, въ обыкновенномъ грунтѣ, въ день—12, въ твердомъ—8. Открыть такихъ же ямокъ, когда деревья не принялись, на слѣдующій годъ — 20 въ день.

20) Перекопать земли, въ саду или въ огородѣ, въ 3 вершковъ глубиною, въ первый разъ, весною на рабочаго полагается 16 квад. саж.; во второй разъ—24.

21) Вырѣзать кизяку (скотскаго кирпича), одинъ рабочій, въ день, долженъ на пространство 18 квадр. саж.

22) Привозить снопы въ токѣ, на разстояніи отъ 4 до 3 верстъ, должно три раза, за три версты—пять разъ, за 2 версты—шесть разъ; за версту и менѣе—семь разъ. Свыше пяти верстъ разстоянія—опредѣлять возку сноповъ, примѣняясь къ этому же разсчету.

Постановленія Кіевскаго губернскаго присутствія, открытаго 11 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Лѣтнимъ рабочимъ временемъ, для отбыванія издѣльной повинности, считается періодъ съ 24 марта по 24 сентября, а періодъ съ 24 сентября по 24 марта считается зимнимъ временемъ.

Плата за подводъ. При посылкѣ подводъ на разстояніе даѣе сѣточного пути, до 13 марта 1862 года, выдаются слѣдующія платы: подводчику на харчи, какъ въ лѣтній, такъ и въ зимній день по 10 коп. ср.; на кормъ одной лошади въ лѣтній и зимній день по 20 коп., на пару воловъ въ лѣтній день по 10 коп., а въ зимній по 20 коп. ср.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. При увольненіи неспособныхъ къ работѣ дворовыхъ людей ранѣ истеченія 2-хъ лѣтъ, владѣльцы вносятъ для обезпеченія ихъ по расчету на каждый мѣсяцъ, до окончанія двухъ обязательныхъ лѣтъ: а) одиночкамъ обоюго пола по 1 р. 30 коп.; б) женщинѣ при мужѣ или родственникѣ по 1 р.; в) малолѣтнимъ обоюго пола до 12-и лѣтнаго возраста по 75 копѣекъ.

Урочное положеніе. Каждый работникъ обязанъ въ одинъ день: 1) Посѣять на трехъ десятинахъ зерно—въ одинъ переходъ, а на двухъ десятинахъ—въ два перехода. 2) Сжать и сложить въ копны озимой пшеницы съ $\frac{1}{13}$ десятины, а ржи или яроваго хлѣба съ $\frac{1}{12}$ десятины; или же (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) сжать, при хорошемъ и среднемъ урожаѣхъ, 1 копну, а при худомъ, безъ урока, сколько успѣютъ. При этомъ каждый, туго связанный снопъ, долженъ имѣть въ объемѣ у перевязи не болѣе $5\frac{1}{2}$ четвертей аршина.

Примѣчаніе. Въ имѣніяхъ, гдѣ неопредѣлено съ достаточною вѣрностью пространство земли и количество посѣва, каждый работникъ обязанъ сжать озимаго хлѣба, при хорошемъ урожаѣ, одну копну въ 60 сноповъ, въ показанномъ выше объемѣ, или яроваго полторы копны, а при худомъ того и другаго хлѣба безъ урока, сколько успѣтъ.

3) Скосить озимаго и яроваго хлѣба $\frac{1}{3}$ часть десятины; сѣна на перелогѣхъ и посѣвной травы $\frac{1}{2}$ десятины, а на низменныхъ лугахъ и болотахъ съ копками $\frac{1}{3}$ десятины.

4) Собрать и сложить въ копны сѣно на лугахъ поемныхъ и заливныхъ съ $\frac{1}{3}$ десятины и на прочихъ сѣнокосныхъ поляхъ съ $\frac{1}{2}$ десятины.

5) Связать и сложить въ копны кошеннаго хлѣба озимаго на $\frac{1}{6}$ и яроваго на $\frac{1}{4}$ части десятины.—Въ имѣніяхъ, гдѣ неопредѣлено пространство земли, равно въ 6-ой и 7-й мѣстностяхъ связать и сложить озимаго и яроваго хлѣба три копны.

6) Обмолотить въ лѣтніе дни 60 сноповъ озимаго и яровой пшеницы и 90 прочаго яроваго хлѣба, а въ зимніе 40 сноповъ озимаго, столько же яровой

ишеницы и 60 прочаго ярового. Причемъ вывѣять съ этого числа сноповъ вымолоченное зерно и убрать его въ магазинъ, также отнести солому на указанное въ глумѣ мѣсто.

7) Раскидать навозъ на $\frac{1}{4}$ десятины.

8) Посадить картофеля на приготовленной для сего землѣ на $\frac{1}{7}$ десятины.

9) Выкопать картофеля при хорошемъ урожаѣ $2\frac{1}{2}$, а при худомъ $\frac{1}{2}$ четверти.

10) Обсыпать кукурузу на $\frac{1}{12}$ части десятины.

11) Выломать и очистить качановъ кукурузы $3\frac{1}{2}$ четверти.

12) Наколоть дубовыхъ кольевъ для изгородей 60 штукъ; обтесать такихъ кольевъ 30 штукъ.

13) Вбить колья въ землю и заплести хворостомъ на пространствѣ 4-хъ сажень, высотой въ $2\frac{1}{2}$ аршина.

14) Связать четыре копы сноповъ изъ готовыхъ кулей ржаной соломы для покрытія кровель.

15) Нарубить $\frac{1}{4}$ кубической сажени трехполѣнныхъ дровъ. Урокъ этотъ не распространяется на дубовыя и другихъ твердыхъ породъ дрова, рубка которыхъ производится безъ уроковъ.

Примѣчаніе 1. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ пространство земли въ точности не измѣрено, работы, показанныя въ пунктахъ 3, 4, 7, 8, 9, 10 и 11 производятся безъ уроковъ.

Примѣчаніе 2. Работы, здѣсь непоименованныя, на основаніи 189 ст. мѣст. полож., производятся безъ уроковъ и при такихъ работахъ число рабочихъ часовъ въ рабочемъ днѣ, на основаніи 190 ст. того же положенія, не должно превышать въ лѣтнее полугодіе 12, а въ зимнее 9 часовъ. — Въ число это не включается время, назначенное для отдыха рабочихъ.

Примѣчаніе 3. При урочной работѣ, каждый крестьянинъ, окончившій заданный ему урокъ, а при безурочной, отработавшій положенное число часовъ, не можетъ быть затѣмъ удерживаемъ на работѣ.

Примѣчаніе 4. На пяти верстахъ разстоянія отъ села, въ которомъ живутъ крестьяне, они обязаны выполнять работы по урочному положенію, безъ всякаго вычета изъ уроковъ за употребленное на проходъ время. Если мѣсто работы удалено отъ селенія далѣе 3-и верстъ, то работа производится безъ назначенія уроковъ, а на проходъ къ мѣсту работы и обратно каждой версты, сверхъ 3-и верстъ, полагается полчаса.

Постановленія Харьковскаго губернскаго присутствія, открытаго 11 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Начало лѣтнаго полугодія считается съ 1 апрѣля, а зимняго съ 1 октября.

Оцѣнка рабочаго дня. Въ отношеніи оцѣнки рабочихъ дней губернія раздѣлена на три части и для каждой изъ нихъ положены рабочему слѣдующія платы:

1) Въ уѣздахъ Ахтырскомъ, Богодуховскомъ, Лебединскомъ и Сумскомъ.		
а) Въ мѣсяцахъ: мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ и октябрѣ	мужчинъ	женщинъ
б) Въ мѣс. іюнѣ, іюлѣ, и августѣ	22 к.	20 к.
в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ	33 к.	20 к.
2) Въ уѣздахъ Валковскомъ и Харьковскомъ:	20 к.	10 к.
а) Въ мѣс. мартѣ, апрѣлѣ, августѣ, сентябрѣ и октябрѣ	23 к.	14 к.
б) Въ мѣс. маѣ, іюнѣ и іюлѣ	40 к.	23 к.
в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ	18 к.	10 к.
3) Въ уѣздахъ Волчанскомъ, Зміевскомъ, Изюмскомъ, Купянскомъ и Старобѣльскомъ:		
а) Въ мѣс. мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ, и октябрѣ	23 к.	12 к.
б) Въ мѣс. іюнѣ, іюлѣ и августѣ	60 к.	40 к.
в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ	20 к.	10 к.

Оцѣнка коннаго или волового дня увеличивается въ полтора раза.

Плата за подводны. Подводчику, посылаемому помѣщикомъ на разстояніе далѣе суточного пути, выдается на харчи и на кормъ лошадей или воловъ; пароконному по 37 коп., а пароволовому по 32 коп. въ сутки, полагая въ этомъ числѣ на продовольствіе крестьянина 20 коп. и на кормъ лошадей 17 коп., а воловъ 12 копѣекъ.

Размѣръ пособія, назначаемого увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. Для обезпеченія увольняемыхъ дворовыхъ людей, выдается на каждого изъ нихъ, безъ различія пола и возраста, сумма, соотвѣтствующая платежу по 2 рубля въ мѣсяцъ за все время, остающееся до 19 февраля 1863 года.

Урочное положеніе: I. Сельскія работы.

	Ч и с л о д н е й .		
	мужскихъ		
	Съ раб. скот.	Пашихъ.	Женск.
Запахать одну десятину (Въ лѣтнее полугодіе	2	«	2
сохою или плугомъ. { — зимнее —	3	«	3
Засѣять и забороновать $\frac{1}{2}$ десятины	1	«	«
Посѣять хлѣбное зерно на 3-хъ десятинахъ	«	1	«
Скосить хлѣбъ на одной десятинѣ и связать въ снопы	«	2	3
Сжать хлѣбъ на одной десятинѣ	«	7	«
или «	«	«	8
Смолотить двѣ копны сушеннаго озимаго хлѣба	«	1	«
Смолотить $1\frac{1}{2}$ копны яроваго или сыромолотнаго хлѣба	«	1	«
<i>Примѣчаніе.</i> Въ одной копнѣ хлѣба полагается 60 сноповъ, имѣющихъ въ объемѣ у перевязки $1\frac{1}{4}$ аршина.			
Скосить сѣна на одной десятинѣ	«	2	«
Собрать сѣна съ десятины въ копны	«	1	1
Скидать стогъ въ 12 саж. кругомъ и 9 саж. черезъ верхъ	4	4	«

Разгрузить навозъ на одной десятинѣ.	«	2	«
Нарубить кубич. сажень трехполѣнныхъ дровъ . . .	«	2	«
Остричь 10 овецъ разнаго возраста.	«	«	1

II. Перевозка лошадыми.

15 возовъ навозу	1	«	«
10 копень озимаго хлѣба (со складкою въ скирды).	1	«	«
На разстояніи одной версты.	1	«	«
15 копень яроваго хлѣба.	1	«	«
10 возовъ сѣна, каждый не болѣе 12 пудовъ.	1	«	«
1 саж. трехполѣнныхъ дровъ	1	«	«
6 копень озимаго хлѣба (со складкою въ скирды), на разстояніи трехъ верстъ	1	«	«
3 конны озимаго хлѣба (со складкою въ скирды), на разстояніи 6-ти верстъ	1	«	«
1 конна хлѣба на разстояніи 12-и верстъ.	1	«	«

III. Перевозка хлѣба (со складкою въ скирды) волами.

10 1/2 копень на разстояніи одной версты	1	«	«
6 1/2 — « — двухъ верстъ	1	«	«
4 1/2 конны « — трехъ —	1	«	«
3 — « — отъ 4 до 5 вер.	1	«	«
2 — « — шести верстъ	1	«	«

Постановленія Подольскаго губернскаго присутствія, открытаго 13 марта.

Оцѣнка рабочаго дня. За сгонный пѣшій день платится, какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ по 20 коп. ср., а за тяглый день по 30 коп.

Размѣръ пособія, назначаемого увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ: а) дворовымъ людямъ, состоящимъ въ услуженіи при лицѣ владѣльца, въ обязанностяхъ камердинеровъ, дворецкихъ, буфетчиковъ, лакеевъ, ключницъ, горничныхъ, нянекъ и другихъ подобныхъ—мужчинамъ по 3 р., а женщинамъ по 3 р. 34 коп. въ мѣсяцъ; б) состоящимъ въ услуженіи при дворѣ владѣльца или въ экономической службѣ въ обязанностяхъ кучеровъ, атамановъ, досмотрщиковъ за скотомъ и другихъ—мужчинамъ семейнымъ по 3 р., одинокимъ по 3 р. 34 коп. въ мѣсяцъ; в) малолѣтнимъ обоимъ разрядовъ въ половину противъ совершеннолѣтнихъ, но съ тѣмъ, чтобы малолѣтніе круглые сироты изъ дворовыхъ, согласно прим. къ ст. 21 Пол. объ устр. двор. людей, были увольняемы владѣльцами не иначе, какъ по желанію ихъ родственниковъ, засвидѣтельствованному мировымъ посредникомъ или уѣзднымъ предводителемъ; но если кто либо изъ прислуги, по усердію своему или за особія помѣщичьи услуги, получалъ жалованье въ размѣрѣ, выше опредѣленнаго симъ постановленіемъ, то при исчисленіи и выдачѣ такимъ дворовымъ людямъ денежнаго пособія, должно сообразоваться съ окладомъ этого жалованья.

Постановленія Таврическаго губернскаго присутствія, открытаго 15 марта.

Оцѣнка рабочаго дня. а) Трудъ пѣшаго крестьянина цѣнится, для расчета собственно съ крестьянами за неотработанные или излишніе дни, въ день: въ январѣ—30 коп., въ февралѣ—33 коп., мартѣ—40 коп., апрѣлѣ—30 коп., маѣ—60 коп., іюнѣ—73 коп., іюлѣ—1 р., августѣ, 1 р., сентябрѣ—73 коп., октябрѣ—60 коп., ноябрѣ—33 коп., и декабрѣ—33 коп. б) Женскій трудъ въ день цѣнится: съ 1-го января по 1-е марта—20 коп., въ мартѣ—23 коп., апрѣлѣ 30 коп., маѣ—33 коп. іюнѣ—40 коп., іюлѣ—30 коп., августѣ—30 коп., сентябрѣ 40 коп., октябрѣ 33 коп.; съ 1-го ноября по 1-е января—20 копѣекъ. в) Дневной трудъ крестьянина, на параволовой или пароконной подводѣ, для расчета собственно съ крестьянами за неотработанные или излишніе дни, цѣнится: въ январѣ—73 коп., съ 1-го февраля по 1-е июня—1 р., съ 1-го іюня по 13 августа—1 р. 30 коп., съ 13 августа по 1 ноября отъ 73 до 80 коп., и съ 1 ноября по 1 января—1 р.; г) Примѣняясь къ цѣнности параволовой подводѣ, взыскивается съ крестьянина такая же плата, если онъ не выйдетъ съ плугомъ, считая отъ каждой пары воловъ.

Плата за подводы. Размѣръ платы за подводы крестьянъ, посылаемыхъ съ сельскими произведеніями помѣщика на разстояніе далѣе суточного пути, назначенъ сообразно мѣстностямъ, въ коихъ подводы будутъ посылаемы и большому или меньшему удобству продовольствія въ нихъ людей и скота, именно: въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи—Дніпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ признана необременительною для помѣщика и безобидною для крестьянина плата въ сутки на содержаніе воловъ или лошадей 20 коп. и на продовольствіе подводчика 13 коп., всего 33 копѣекъ; въ Крымскихъ уѣздахъ—на содержаніе воловъ или лошадей 30 коп. и подводчику 13 коп. всего же 43 коп. сер.

Числ. раб. Числ. дней.

Урочное положеніе.

Вспахать экономическую, въ 3,200 кв. сажень десятину земли—цѣлны въ пять паръ воловъ.. . . .

3. 3.

Сообразно качеству земли и мѣстному обычаю, должны вспахать, при упряжкѣ отъ 2 до 4 паръ воловъ.

2. 3.

Примѣчаніе. Гдѣ казенная десятина въ 2,400 кв. саж., введена въ хозяйство, по желанію можно перейти съ экономической на казенную. Засѣять 3 казенныя десятины по 2,400 кв. сажень.

1. 1.

Засѣять $2\frac{1}{4}$ экономическія десятины.

1. 1.

Взборонить желѣзными бородами въ 2 или 3 пары воловъ отъ 1 до 2-хъ десятинъ земли цѣлны.

1. 1.

Взборонить землю мягкою деревянными бородами, въ 2 пары воловъ, отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ десятинъ.

1. 1.

Сжать хлѣбъ съ экономической десятины и сложить въ снопы крѣпкой вязи.

8. »

Примѣчаніе. Если жницы имѣютъ грудныхъ дѣтей, то на каждую десятину прибавлять по два рабочихъ.

Скосить экономическую десятину хлѣба подѣ кошу на грабки, 2 косца и 4 вязальщика.

6. »

Скосить экономическую десятицу хлѣба на косу
безъ грабковъ и сложить въ копны.

8.

»

Скосить экономическую десятицу густой травы,
выше одного аршина.

3.

»

Сгрести и сложить въ копны, отъ 40 до 30-ти
пудовъ каждая, десятицу травы.

3.

»

Пересадить на приготовленныя гряды одинъ
корень отъ другаго на полъ аршина на 80 грядъ.

1.

1.

Выполоть сапами 80 грядъ мужчинъ или 60
грядъ женщинъ.

1.

1.

Напизать 16 нитокъ, 6 аршинъ каждая, пере-
броженныхъ готовыхъ табачныхъ листовъ. . . .

1.

1.

Табачныя листья, 16 нитокъ, обратить въ пану-
ши, каждая отъ 12 до 13 листьевъ.

1.

1.

Работы, въ урочномъ положеніи непоименованныя, производятся безъ
уроковъ, по числу рабочихъ часовъ: въ лѣтнее полугодіе—12-ти, и въ зим-
нее—9 часовъ.

ВІСТІ.

НАБЛЮДЕНІЯ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

О нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ у крестьянъ Полтавской губерніи Кременчугскаго уѣзда.

Какъ мировой посредникъ, я, каждый день, по моей обязанности, разсматривалъ дѣла, въ которыхъ раскрывалась картина прежнихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и между собою; и какъ исполнитель закона, устанавливающаго и охраняющаго вновь возникающія права, я всегда справлялся съ воззрѣніемъ крестьянъ на данное отношеніе, стараясь примѣнить новый законъ, съ наибольшимъ, по возможности, удобствомъ для тѣхъ, кто долженъ ему подчиняться. Вращаясь въ этой, главнымъ образомъ, юридической сферѣ, мнѣ постоянно приходилось останавливаться съ удивленіемъ на кажущейся рѣдкости, если не сказать, совершенномъ отсутствіи, юридическихъ обычаевъ у крестьянъ. До такой степени крѣпостное право, въ прежнее время, охватило собою весь гражданскій бытъ закрѣпощеннаго южнорусскаго земледѣльца, и такъ рѣшительно уничтожило въ его жизни всякую инициативу личности и общества. До 19-го февраля, кажется, не легко было отыскать мѣстность, гдѣ бы крѣпостное право доходило до такой крайности, какъ здѣсь. Крестьянинъ лишенъ былъ возможности располагать съ увѣренностію однимъ днемъ въ недѣлѣ. Даже въ воскресенье онъ долженъ былъ идти на панщину, если его требовали, съ тою, впрочемъ, разницею противъ другихъ дней, что, по непонятной силѣ уцѣлѣвшаго обычая, въ этотъ день можно было дѣлать, по народному выраженію, готовую работу, т. е. грести и метать сѣно, возить снопы и сѣно, вѣять, но не пахать землю, косить, жать и мо-

лотить. Нельзя забыть всей горечи отчаянія, съ которою крестьянинъ на вопросъ, какъ онъ хозяйничаетъ у себя дома, говорилъ: «госпо-дарую» — лаконическій отвѣтъ, который другими словами можно выразить такъ: нѣтъ силъ хозяйничать, работая день въ день на пана. Вслѣдствіе этого, въ гражданскомъ быту крестьянина, могли остаться только слабыя черты юридическихъ обычаевъ, какъ намеки на существовавшій прежде порядокъ гражданской жизни, какъ слабыя слѣды народнаго разума, едва пробивавшагося сквозь гнетъ крѣпостнаго права. Дѣйствительно, только послѣ продолжительной практики можно открыть немногіе обычаи—и то касающіеся, по большей части, сферы имущественныхъ отношеній. Въ области же уголовного права, карающая власть пана убивала всякую инициативу самихъ крестьянъ, такъ что: наказаніе вора, заключавшееся въ хожденіи по селу съ повѣшенною на спинѣ вора краденною вещію, при ругательствахъ и побояхъ, пѣніе срамныхъ пѣсенъ толпою, идущею за человѣкомъ, пойманнымъ въ прелободѣніи, всенародное срываніе шапки съ должника, что значитъ на народномъ языкѣ «грабувать якъ злодія,»—все это являлось какъ что-то случайное, какъ рѣдко повторявшійся прологъ драмы, которая разыгрывалась надъ преступникомъ, когда его постигало карающее правосудіе пана. Самъ народъ, кажется, мало вѣрить въ серьезное значеніе этихъ наказаній, и даже теперь, по уничтоженіи помѣщичьяго суда, предпочитаетъ прибѣгать, гдѣ только удобно, къ становымъ приставамъ и урядникамъ общественныхъ управленій, судящимъ и наказывающимъ по другимъ, болѣе новымъ, началамъ. Гораздо болѣе замѣтно прочности и юридической опредѣленности въ обычаяхъ, касающихся имущественныхъ отношеній. Конечно, немного было гарантій, силы и долговѣчности этихъ обычаевъ съ той стороны, гдѣ они соприкасались съ имущественными интересами помѣщика и его всесильной волей.

Нечего думать объ уваженіи помѣщиковъ къ обычаю—отдѣлять крестьянамъ такую или иную часть своей земли; распредѣлять ее по твердой, болѣе или менѣе всеобщей нормѣ, или давать крестьянамъ тотъ или другой снопъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, что голова, то разумъ, что село, то свой законъ. Только въ имущественныхъ отношеніяхъ крестьянъ между собою и съ посторонними лицами замѣчаются обычаи, имѣющіе большую или меньшую степень прочности. Замѣчательно, что обычаи, которые прежде всего встрѣчаются въ быту свободныхъ козаковъ, непремѣнно существуютъ и у крестьянъ.

Въ этомъ сказалась историческая сила того единства политичес-

кихъ и гражданскихъ правъ козаковъ и посполитыхъ, въ послѣдствіи помѣщичьихъ и казенныхъ (незначительныхъ, впрочемъ, въ Малороссіи своимъ числомъ) крестьянъ, которое нарушено актомъ присоединенія Украины къ Россіи и готово было потеряться при дѣйствіи крѣпостнаго права. Крестьяне вѣрятъ въ благотворное дѣйствіе обычаевъ, потому что въ нихъ выразился народный разумъ. И если они отвыкли отъ примѣненія ихъ, то только потому, что, при существованіи крѣпостнаго права, это было невозможно. Козаки и посполитые, по понятіямъ аристократической Польши и ея законодательства — «хлопы и подданные,» до присоединенія Южной Руси къ Великороссіи, не составляли двухъ сословій, рѣзко раздѣленныхъ политическими и гражданскими правами. Существовало, правда, слабое различіе въ правахъ, заключавшееся главнымъ образомъ въ томъ, что козаки несли военную службу, но это было такъ неважно, что не уничтожило общности интересовъ козаковъ и посполитыхъ, такъ-что во время междоусобицы въ Украинѣ вожь козацкой дружины Богданъ Хмельницкій могъ видѣть въ лицѣ посполитыхъ народъ и свое войско, говоря, что у него гдѣ кракъ, тамъ и козакъ, или отвѣчая польскимъ комиссарамъ: «я чернь не выдамъ, чтобы вы, задавивши крестьянство, и на козаковъ не ударили.» Эти два класса, прежде различенные только слабыми и постоянно колеблющимися признаками, по Переяславскимъ статьямъ образовали два особенныя, раздѣльныя, сословія: «кто козакъ — тотъ козацкую вольность имѣетъ, а кто пашенный крестьянинъ — тотъ несетъ обычную государеву повинность». Несмотря на это, единство двухъ сословій оставалось въ семейныхъ и экономическихъ связяхъ и въ сдѣлкахъ, по которымъ передавались имущественныя права отъ козаковъ крестьянамъ, и обратно. Только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, стало рѣзко замѣтно стремленіе козаковъ и крестьянъ обособиться въ два замкнутыя круга; названіе *крепака*, крѣпостнаго человѣка породило отчужденіе, и вмѣстѣ жалость къ подавленной личности. Но послѣ освобожденія крестьянъ, все стремится возвратиться въ прежнюю колею; козаки и крестьяне идутъ другъ другу навстрѣчу.

Начало сближенія ихъ, выразившееся тотчасъ, по объявленіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ, частыми браками между козаками и крестьянами, будетъ рости по мѣрѣ развитія крестьянскаго хозяйства и развитія ихъ гражданскихъ отношеній. Едва ли есть, въ обширномъ русскомъ государствѣ, страна, гдѣ бы, по освобож-

деніи крестьянъ, рѣшительнѣе и рѣзче высказались юридическіе обычаи, существованія которыхъ не подозрѣвали. Въ этой воскресающей старинѣ все болѣе и болѣе оживаетъ прежнее сословное единство козаковъ и крестьянъ. Такимъ образомъ, по объявленіи манифеста о свободѣ, обнаружено, что южнорусскіе крестьяне покупали, продавали, мѣняли, дарили, завѣщали земли между собою и съ лицами другихъ сословій и владѣли ими на правѣ собственности, какъ козаки. Этотъ фактъ, обреченный прежде на безвѣстное существованіе подъ покровомъ общихъ законовъ, по которымъ не предоставлялось крестьянамъ ни право владѣнія недвижимымъ имуществомъ, ни право приносить жалобу на своего помѣщика, вынырнулъ на свѣтъ. По положенію о крестьянахъ, земли, дома и вообще недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя крестьянами въ прежнее время, на имя ихъ помѣщиковъ, укрѣпляются за крестьянами, или ихъ наслѣдниками, окончательно, по утвержденіи за ними сихъ имуществъ самими помѣщиками, или рѣшеніемъ мирового учрежденія (общ. полож. о крестьян. ст. 32). Въ дополненіе къ этой статьѣ приложены правила разсмотрѣнія и утвержденія мировыми учрежденіями актовъ, непризнанныхъ самими помѣщиками. Въ этомъ постановленіи заключается развитіе той мысли русскаго законодательства, что, до указа 3-го мая 1848 г., которымъ разрѣшено помѣщичьимъ крестьянамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ собственность, они могли покупать ихъ только на имя помѣщиковъ. Но законъ этотъ не охватилъ собою существующихъ въ дѣйствительности, на Украинѣ, поземельныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, потому что тамошнее посольство, получившее, по присоединеніи Южной-Руси къ Великой Россіи, полную гражданскую правоспособность и участвовавшее даже на радахъ, при избраніи гетмановъ, (отъ чего эти рады назывались черными или черневыми), пріобрѣтало и отчуждало недвижимыя имѣнія, не только въ первое время по присоединеніи, но въ теченіи всего прошлаго столѣтія, даже и въ настоящемъ столѣтіи, въ первой, а быть можетъ и во второй его четверти. Окончательную потерю крестьянами этого права, кажется, слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда вполнѣ прекращено въ Южной Руси дѣйствіе Литовскаго Статута съ распространеніемъ на нее общихъ велико-русскихъ законовъ, т. е. къ 1843 году. На это, вѣрно, имѣло вліяніе какъ ослабленіе родственныхъ и другихъ связей между помѣщичьими крестьянами и козаками, такъ и рѣшительное запрещеніе, въ 1832 году, козакамъ продавать свои предковскія земли ко-

му—либо, кромѣ лицъ своего сословія. Но прямого закона, которымъ бы положительно запрещалось помѣщичьимъ крестьянамъ въ Южной Руси пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, сколько намъ извѣстно, не было до послѣдняго времени. Такимъ—образомъ, въ настоящее время обнаружено въ Южной Руси множество актовъ, хранившихся у крестьянъ цѣлое столѣтіе и больше, по которымъ они пріобрѣтали земли въ собственность. Въ числѣ этихъ актовъ мнѣ удалось видѣть древнѣйшій, писанный въ 1689 году на одномъ мѣстскомъ (городовомъ) урядѣ. Акты эти писались, какъ простая росписка, при свидѣтеляхъ и безъ свидѣтелей. Иногда въ текстѣ ихъ писалось «при упрошенныхъ свидѣтеляхъ продалъ или уступилъ,» но подписовъ свидѣтелей на роспискахъ не имѣется. Другіе писались въ сотенныхъ канцеляріяхъ, или на сотенныхъ урядахъ; въ экономическихъ правленіяхъ коронныхъ посполитыхъ, до пожалованія ихъ помѣщикамъ, за подписями сотника и смотрителя; на городскихъ, или мѣстскихъ, урядахъ; въ экономическихъ конторахъ помѣщиковъ за подписями управляющихъ, атамановъ и проч. Въ этихъ актахъ почти всегда встрѣчается выраженіе: «продалъ или уступилъ съ позволенія помѣщика или экономіи.» Это выраженіе также попадается и въ домашнихъ роспискахъ между крестьянами, на которыхъ нѣтъ подписей довѣренныхъ отъ владѣльца лицъ. Наконецъ, есть акты, совершенные въ повѣтовыхъ судахъ и изъ числа ихъ мнѣ удалось видѣть два, относящіеся къ 1820 и 1822 годамъ. Участниками въ сдѣлкахъ по всѣмъ этимъ актамъ были какъ отчуждатели недвижимыхъ имѣній, коронные посполитые, до пожалованія ихъ помѣщикамъ, такъ и крестьяне—послѣ пожалованія, передававшіе свои земли между собою или крестьянамъ другихъ имѣній; козаки, духовенство, вполнѣдствіи дворяне, лица другихъ свободныхъ состояній и, наконецъ, сами помѣщики, которые мѣнялись землями съ своими крестьянами, или покупали у нихъ тѣ, которыя признавали за собственныя. Въ новѣйшее время, главнымъ образомъ, уже во второй четверти настоящаго столѣтія, помѣщики въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ коснулись права собственности крестьянъ на земли, пріобрѣтенныя ими по такимъ актамъ, производя разверстку всѣхъ вообще крестьянскихъ земель между домохозяевами по какой либо напередъ опредѣленной нормѣ. Другіе помѣщики не задумались отобрать отъ крестьянъ эти земли и отдать ихъ въ постороннія руки; наконецъ третьи оставляли за собою земли, переведши крестьянъ въ свои отдаленныя имѣнія, или продавъ ихъ на выводъ. Но не смотря на это, право собственности крестьянъ на земли не было совсѣмъ

уничтожено. Въ настоящее время есть много имѣній, въ которыхъ эти земли признавались издавна и теперь признаются за собственные крестьянскія. Земли эти, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, отдѣлены на планахъ отъ экономическихъ, подъ названіемъ собственныхъ крестьянскихъ, или записаны такими по конторскимъ книгамъ и описямъ. Къ-сожалѣнію, при всей заботливости, съ которою крестьяне сохраняли свои документы на принадлежащія имъ земли, ⁽¹⁾ весьма многіе изъ нихъ потерялись. Множество пріобрѣтеній дѣлалось крестьянами безъ документовъ, такъ точно, какъ и сами помѣщики, еще очень недавно, передавали другъ другу недвижимыя имѣнія, по однимъ словеснымъ сдѣлкамъ. Не говоря о давнихъ пріобрѣтеніяхъ, въ настоящее время очень часто можно встрѣтить, во владѣніи помѣщичьихъ крестьянъ, земли, которыя достались имъ отъ матерей козачекъ, получившихъ ихъ въ приданое безъ документовъ. Само собою разумѣется, что и кромѣ ихъ во владѣніи крестьянъ теперь есть много земли, которую они считаютъ своею, хотя не имѣютъ на нее документовъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики почему бы-то ни было не успѣли регулировать крестьянскихъ надѣловъ, крестьяне, владѣя такими землями за урядъ съ тѣми, съ которыми они пожалованы и съ надѣленными впослѣдствіи отъ помѣщиковъ, потеряли память о томъ, гдѣ оканчиваются одни и гдѣ начинаются другія; смѣшали всѣ виды находящихся въ ихъ владѣніи земель и распространяютъ, въ равной мѣрѣ, на всю совокупность своего владѣнія, понятіе собственности, называя безразлично всѣ свои земли «предковскими.» Происхожденію такого понятія о предковскихъ земляхъ, конечно, очень благопріятствуетъ то обстоятельство, что въ Южной Руси ни до присоединенія ея къ Великой-Россіи, ни послѣ, поземельное владѣніе государственныхъ крестьянъ не было установлено никакими официальными актами, подобными писцовымъ книгамъ московскаго государства и инвентарнымъ описямъ, составленнымъ на основаніи устава о волокахъ Сигизмунда Августа 1566 года, устава, никогда, какъ извѣстно, не примѣнявшагося въ Южной Руси. Такимъ-образомъ, владѣніе посполитыхъ землями, за которыя они исполняли повинности, какъ прежде пожалованія ихъ помѣщикамъ, такъ и послѣ, опредѣлялось первымъ займомъ.

(1) По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ одного имѣнія, документы эти сбегались крестьянами въ скриняхъ, завязанные въ лубкѣ.

Что касается возрѣнія массы крестьянъ на отношенія ихъ къ землѣ, то она, кажется, держится принципа частной собственности, такъ серьезно, сколько можно этого желать, при настоящемъ экономическомъ развитіи страны.—Дѣйствительно, въ первое время, по объявленіи манифеста, даже изрѣдка и теперь, можно слышать отзывы крестьянъ, что чрезъ два года, или когда придетъ, по ихъ выраженію, *слушній* часъ, имъ отдадутъ помѣщичьи земли въ собственность, въ вознагражденіе за даровый ихъ трудъ на пановъ въ теченіи многихъ лѣтъ.—По словамъ другихъ крестьянъ, они хотя и признають право помѣщика получать выгоды съ своей земли, но ограничиваютъ распоряженіе тѣмъ условіемъ, что помѣщикъ не долженъ никому отдавать въ наемъ принадлежащихъ ему земель, кромѣ своихъ крестьянъ. Впрочемъ, такое отрицаніе права собственности помѣщиковъ на ихъ земли встрѣчалось, и теперь еще встрѣчается, не какъ всеобщее и искреннее убѣжденіе крестьянъ, а болѣе какъ случайное предположеніе, какъ протестъ противъ существовавшаго крѣпостнаго права.—Вообще у крестьянъ нѣтъ искренняго убѣжденія въ правѣ ихъ на помѣщичью землю. Противное этому мнѣніе явилось у нихъ какъ результатъ отвычки владѣть землями на правѣ собственности, какъ плодъ самого крѣпостнаго права. И по мѣрѣ того, какъ въ народный бытъ возвращаются начала, освященные исторіей, въ ихъ сознаніи утверждается уваженіе въ частной собственности на землю вообще и къ помѣщичьей въ — частности. — Крестьяне нѣкоторые имѣній, называя, какъ выше сказано, все находящіяся въ ихъ владѣніи земли, предковскими, объясняютъ это право тѣмъ, что козацкія земли всегда были свободны отъ повинностей. Такимъ образомъ, они присваиваютъ эти земли себѣ потому только, что, по ихъ словамъ, они козаки или *гетьманьці*. — Впрочемъ, въ одномъ изъ такихъ, имѣній состоящемъ изъ 500 душъ, мнѣ удалось встрѣтить человека, который, въ объясненіи крестьянскаго права на земли, пошелъ далѣе козачества, его славы и паденія, говоря, что «люде перше одъ панівъ стали, и что они уже жили на своихъ земляхъ, когда паѣхали къ нимъ паны.» Деревенскій историкъ не выводилъ изъ сказаннаго имъ никакого заключенія, и остановился на недоразумѣніи, родственномъ съ скептицизмомъ козаковъ, которыхъ мнѣ удавалось слышать, безпечно раздумывавшихъ на тему: «чудно якось сталоє що всі зѣмлі підъ панами, а у насъ нема нічого.»

Крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, высказываютъ

предположеніе о своемъ правѣ на помѣщичьи земли только какъ запоздалый протестъ противъ существовавшаго прежде крѣпостнаго права; они не имѣютъ, въ этомъ отношеніи, глубокаго, болѣе или менѣе опредѣленнаго, убѣжденія и весьма далеки отъ предвидѣнія тѣхъ суровыхъ послѣдствій строгаго развитія принципа частной собственности, съ которыми теперь борется западно-европейское общество.—Напротивъ, получивъ съ манифестомъ больше свободы и больше обезпеченности труда, крестьяне, какъ-будто, стремятся отдѣлать себя отъ помѣщичьей земли, лишь бы сохранить личную независимость.—При строгомъ исполненіи въ прошедшемъ лѣтѣ закона о трехдневной барщинѣ, помѣщики волею-неволею должны были предоставить крестьянамъ большія противъ прежняго выгоды при уборкѣ хлѣба и сѣна. Напримѣръ: они отдавали имъ сѣнокосы съ третьей кошицы и съ половины, что прежде бывало только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ;—должны были предоставить снопъ изъ хлѣба, сверхъ крестьянской запашки, а тѣ изъ помѣщиковъ, которые упорствовали, и пытались заставить крестьянъ жать по три дня, за панинцу, безъ снопа, понесли потери, такъ-какъ ихъ посѣвы остались нежатыми до наступленія зимы. Въ виду этихъ и имъ подобныхъ экономическихъ явленій, крестьяне ободрились. Изъ нихъ заснопщики (крестьяне, неимѣвшіе надѣла и работавшіе у помѣщика за снопъ, подобно свободнымъ жнецамъ), чтобы отдѣлать себя отъ помѣщичьяго хозяйства, настойчиво требовали отъ помѣщиковъ отдѣленія земли для своей запашки, на настоящій хозяйственный годъ (пока продолжается трехдневная барщина), получили ее, и обработали, нанимая рабочій скотъ у козаковъ—въ чемъ нельзя не видѣть большой, съ ихъ стороны, энергіи. И при всемъ этомъ они платятъ подати, съ такою аккуратностію, какой никогда не было замѣчено за помѣщиками. Этотъ послѣдній фактъ, въ глазахъ нашихъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ краснорѣчивѣйшее доказательство любви къ порядку южно-русскаго крестьянина, на котораго приказъ: «подушне дай» дѣйствуетъ какъ бы магическою силою, исключаяющею всякую возможность прекословія. — Платить онъ подушню по весьма незатѣливому побужденію «щобъ не чипався урядъ.» По мѣрѣ того, какъ у крестьянъ растетъ сознаніе независимости, они меньше и меньше гоняются за помѣщичьею землею. Есть имѣнія, въ которыхъ всѣ или нѣкоторые крестьяне отказались отъ надѣловъ: одни потому, что хотятъ переселиться на казенныя земли; другіе въ гордомъ сознаніи своей независимости, говоря, что безъ насъ «спани пос-

качать».—Крестьяне съ большимъ отвращеніемъ смотрятъ на издѣльную повинность за земли, какъ невыгодную вообще въ экономическомъ отношеніи, и напоминающую имъ крѣпостную зависимость; но они легче мирятся съ денежнымъ оброкомъ за надѣленную землю. Такимъ образомъ, въ одномъ имѣніи моего участка они перешли на оброкъ, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ и до представленія имъ уставной грамоты, что, само собою разумѣется, рѣдкій, и, быть можетъ, исключительный случай, а въ другомъ имѣніи, рѣшившись платить оброкъ, они никакъ не хотѣли подчиниться требованію помѣщичьи оставаться на издѣльной повинности, въ теченіи настоящаго 1862 года. Признаніе права собственности помѣщиковъ на земли такъ сильно, что крестьяне вызываются брать помѣщичьи имѣнія въ аренду въ цѣломъ ихъ составѣ. — До сихъ поръ въ моемъ участкѣ въ одномъ имѣніи сдѣлано было такое предложеніе помѣщичьи крестьянами, но аренда пока не состоялась, потому что не сошлись еще въ цѣнѣ.—Быть-можетъ, такіе примѣры станутъ повторяться чаще.

Крестьяне, правда, не охотно вступаютъ во всякія сдѣлки съ помѣщиками, а тѣмъ болѣе въ соглашенія объ уставныхъ грамотахъ, и рѣшительно не хотятъ подписывать послѣднихъ. Но это происходитъ отъ недовѣрія къ помѣщикамъ, изъ боязни опять попасть въ крѣпость и отъ нерѣшимости. Въ большей части имѣній уставныя грамоты могутъ быть введены только по приказанію начальства.—Перехожу къ другимъ, замѣченнымъ мною, юридическимъ обычаямъ въ быту крестьянъ.

Во-первыхъ, замѣчу, крѣпостное право, кажется, совсѣмъ вытѣснило обычаи, установившіеся относительно наслѣдованія имуществъ между родственниками. До сихъ поръ я не встрѣчалъ примѣровъ раздѣла наслѣдства собственной крестьянской земли и потому мнѣ рѣшительно неизвѣстно примѣненіе какихъ либо твердыхъ правилъ наслѣдованія въ быту крестьянъ, если не возводить въ общее правило двухъ-трехъ подмѣченныхъ примѣровъ, гдѣ, при наслѣдникахъ мужчинахъ и женщинахъ, одежда женщины и вещи, составляющія принадлежность женскаго хозяйства: полотно, нитки и проч. наслѣдовала непременно женщина. У козаковъ существуетъ правило, что отцовскій домъ наслѣдуетъ меньшій братъ.—Но если изъ нѣсколькихъ братьевъ одинъ пошелъ въ солдаты, то право на отцовскій домъ принадлежитъ ему. У помѣщичьихъ крестьянъ эти обычаи, какъ само собою разумѣется, не могли имѣть примѣненія при дѣйствіи крѣпостнаго права. По по-

положенію о крестьянахъ, усадьба, оставляемая въ наследственномъ пользованіи крестьянъ, принадлежитъ всѣмъ лицамъ въ ней живущимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это правило въ послѣдствіи подвергнется измѣненіямъ, сообразно съ существующимъ юридическимъ возрѣніемъ крестьянъ на этотъ предметъ. До сихъ поръ мнѣ встрѣчалось видѣть примѣры, что въ избѣ живутъ сыновья умершаго домохозяина и ихъ зять. По положенію, усадьба принадлежитъ всѣмъ живущимъ въ ней, хотя, по понятіямъ крестьянъ, зять—не наследникъ отцовскаго достоянія. Такое столкновеніе положительнаго и обычнаго права, въ дальнѣйшемъ развитіи юридическаго быта крестьянъ, по всей вѣроятности разрѣшится въ пользу обычнаго права.

Замѣчательнѣйшая существующій у казаковъ и у крестьянъ порядкомъ взысканія долговъ. У Южно-Руссовъ существуетъ обычай «править» и «грабывать». Долгъ *правится* до тѣхъ поръ, пока должникъ не уплатитъ его деньгами, тою вещію, какую онъ взялъ, или пока онъ не пойдетъ на соглашеніе о замѣнѣ одной вещи другою. *Грабуютъ* же тогда, когда за неимѣніемъ у должника денегъ, приходится брать у него вещи, или, по выраженію писаннаго закона, когда взысканіе обращается на имущество. Грабуетъ земская полиція, когда она угоняетъ скотъ, или беретъ какую нибудь движимость изъ имѣнія, для продажи на пополненіе долга. Грабуютъ сборщикъ податей и староста, когда они уводятъ овцу отъ должника и берутъ у него одежду, съ тѣмъ, чтобы продержатъ ее, пока хозяинъ принесетъ взыскиваемые долги. Наконецъ грабуетъ самъ кредиторъ, когда онъ, во дворѣ должника или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, беретъ его вещь и уноситъ ее къ себѣ.—Такимъ образомъ всякое взысканіе, обращенное на имущество, какъ бы строго ни были соблюдены, при исполненіи его, всѣ законныя формы, называется грабежемъ. Въ названіи этомъ, надо замѣтить, нѣтъ ничего, какъ это кажется съ перваго раза, пугающаго воображеніе или оскорбляющаго чувство свободы. И это потому, что названіе и самое дѣйствіе взысканія рассчитаны на высокой честности, кротости и утонченномъ чувствѣ справедливости, лежащемъ въ правахъ южно-русскихъ простолюдиновъ. Въ грабужествѣ нѣтъ физической силы, противъ которой не возможно сопротивленіе со стороны должника. Напротивъ, его самосудъ только потому и возможенъ, что должникъ всегда сознаетъ неправоту своего дѣла, и молча подчиняется, во имя нравственнаго закона, волѣ своего кредитора. Мнѣ извѣстенъ примѣръ удовлетворенія кредиторомъ своего дол-

га мѣшками борошна, принадлежавшаго должнику. Послѣдній отдалъ въ мельницу зерно, но прежде чѣмъ успѣлъ получить муку, приходитъ туда кредиторъ. Узнавъ, чье борошно, онъ спокойно поджидаетъ должника. Когда пришелъ должникъ, то кредиторъ, поднимая на свою спину мѣшки, сказалъ ему: «Вибачай за борошно! Візьму ёго за те, що ти мені виновать.» Озадаченный такимъ поступкомъ должникъ попробовалъ было - шумѣть: «Хиба я не хотівъ тобі оддати? Та якъ же бѣ ёго й оддати, коли въ мене перше дитина вмѣрла, а далі корова пропала, та трѣба було разомъ и грѣшей позичать у добрихъ людей и волівъ одроблять. Про такий случай можно бѣ и въ самого чорта вѣпросити пильги, а не то що... Се якъ би вѣи такъ грабували, то й на свѣті бѣ не жить.» — Такъ говорилъ должникъ, пока его противникъ вынесъ изъ мельницы мѣшки. Въ слѣдъ за нимъ пошелъ домой и должникъ, почесывая затылокъ, да облегчая свою душу жалобою знакомымъ на то, что землякъ «безневинно наробивъ ёму сѣрому.»—Отъ начала до конца этой встрѣчи двухъ поссорившихся земляковъ, въ словахъ недовольнаго должника—ни одной увертки, направленной къ тому, чтобы освободиться отъ платежа долга, ни одного гнѣвнаго выраженія души, оскорбленной самимъ фактомъ насилія.

Это явленіе изъ жизни южно — русскаго народа, представившееся намъ такимъ, какъ оно здѣсь описано, заслуживаетъ вполне серьезнаго вниманія историковъ—юристовъ. Важность его, въ исторіи гражданского права страны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ-болѣе, что указанный нами порядокъ взысканія долговъ съ неисправныхъ должниковъ примѣнялся не только въ гражданскомъ быту между частными лицами, но даже въ распоряженіяхъ правительственныхъ какъ это видно изъ слѣдующаго, сообщеннаго мнѣ Р. П. Витавскимъ, универсала Гетмана Мазепы, 1703 года: «Пану Полковникови войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго Полтавскому и всей старшинѣ тамошней, а особливе панамъ Державцамъ, около Полтавы маєтности свои мѣющимъ, и вѣмъ кому бы козвекъ о томъ вѣдати надлежало, ознаймуемъ. Ижъ предположилъ Панъ Алексѣй Черніакъ товарищъ войсковый, же многіе люде околичныхъ селъ тамошнихъ задолжавшиися ему, то готовыми позычаючи грошми, то за напитки, не хотятъ въ тихъ долгахъ уищатися. Зачимъ яко всякий должникъ инымъ способомъ долгу своего збути не можетъ, тилко повиненъ его вѣрителеви своему выплатити, и жаденъ державца подданного

своего заступати и охороняти отъ плаченія долгу не есть моцень подлугъ права, такъ мы пилю всѣмъ должникамъ прикладываемъ, аби всякій, кто колвекъ есть долженъ ему, пану Черняковъ, конечно безъ вымовки и жадной спреки, въ тихъ долгахъ своихъ выплачивался и уищался, що отъ кого доведется. А если бы хто не мѣлъ чинити, тому досить, то позволяемъ ему, пану Черняковъ, таковыхъ противныхъ и волѣ нашей непослушныхъ людей должныхъ грабити, и грабежовъ до выкупленія имъ не ворочати. Въ чомъ аби никто волѣ нашей не былъ противникомъ, и повторе пилю приказуемъ.» Какъ ни странно кажется намъ, усвоившимъ юридическія понятія писаннаго закона, такая правительственная санкція насилія, и какихъ бы ни заслуживалъ порицаній правитель, дающій судъ въ собственномъ дѣлѣ лицу, которое, по своему общественному положенію, находится въ большей или меньшей возможности располагать средствами физическаго принужденія съ явнымъ нарушеніемъ справедливости; но мы были бы несправедливы къ Мазепѣ и къ его универсалу, тотчасъ приведенному, если бы не приняли во вниманіе всего здѣсь нами сказаннаго. Безъ этого мы не поняли бы тѣхъ оправданій допускаемаго насилія, которыя находилъ гетманъ, издающій универсалъ, въ хорошо извѣстныхъ ему правахъ южно-русскаго общества и въ своемъ, надо сказать, безошибочномъ убѣжденіи, что кредиторъ, настаивающій объ уплатѣ законнаго долга, кромѣ рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ, а быть можетъ и никогда, не будетъ поставленъ должникомъ въ необходимость прибѣгнуть къ могуществу физической силы.

Всѣ заимствованія изъ европейской цивилизаціи сдѣланы были у насъ тѣмъ классомъ общества, который впоследствии образовалъ изъ себя привилегированное сословіе; а масса народа оставалась тогда, какъ и теперь, такою, какъ она была прежде: простою, безхитростною, исполненною кроткой и нелицемѣрной покорности всему, что она приняла считать справедливымъ. Этотъ характеръ южно-русскихъ простолюдиновъ—крестьянъ обнаружился еще и въ производствѣ дѣлъ на вновь-открытыхъ волостныхъ судахъ. На основаніи положенія о крестьянахъ, въ волостныхъ правленіяхъ заведены книги для записки рѣшеній волостныхъ судовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи волостей, книги эти были совершенно пусты, и на вопросъ, — почему не записываются въ нихъ судебныя рѣшенія, писаря отвѣчали: что всѣ дѣла на судѣ превращены миромъ. Дѣйствительно, южно-русскій простолюдинъ очень миролюбивъ и участіе общественной власти, или

частнаго челоуѣка, когда онъ завелъ споръ съ противникомъ, нужно только для того, чтобы убѣдить его въ справедливости требованія противника и напомнить о неизбежности судебного рѣшенія.

Кромѣ юрисдикціи волостныхъ судовъ, узаконенной положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и съ болѣею или меньшею подробностью имъ опредѣленной, существуетъ у крестьянъ другой подзаконный судъ, судъ громады. Этотъ послѣдній судъ, всегда ближайшій къ мѣсту совершенія противозаконнаго дѣйствія, распространяетъ свою юрисдикцію на дѣла, въ которыхъ громада, по увлеченію страсти или по убѣжденію разсудка, видитъ особенно-чувствительное оскорбленіе общественной правдивости, и всякую проволочку признаетъ неумѣстною. Такъ, громада изрекаетъ свои приговоры о ссорахъ и дракахъ съ какимъ-либо особенно — задирающимъ свойствомъ, о домашнихъ распряхъ супруговъ, о прелюбодѣйствѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ воровства. Рѣшенія громадскихъ судовъ, по болѣею части, какъ мною замѣчено, приговариваютъ къ тѣлесному наказанію, и часто очень строгому, что объясняется участіемъ въ этихъ рѣшеніяхъ страсти, и непривычкою массы къ денежнымъ штрафамъ — по бѣдности ея.

Вотъ примѣръ громадскаго суда, — единственный по роду рѣшеннаго имъ дѣла. Крестьянинъ началъ пьянствовать и продалъ сельскому старостѣ за 12 руб. корову, которая стоила больше. Собравшаяся громада наказала запившагося крестьянина розгами, отобрала оставшіяся у него непропиты 6 руб., возвратила ихъ старостѣ и приказала ему отдать корову хозяину, говоря, что не слѣдовало ему покупать у того, кого »Богъ покарáвъ;« истраченные наказаннымъ крестьяниномъ 6 руб. также велѣла возвратить старостѣ и распорядилась, чтобы шинкаръ не давалъ невоздержному водки.

Переходя къ другимъ юридическимъ обычаямъ южно-русскихъ крестьянъ, мы замѣчаемъ наибольшее число установившихся правилъ касательно личнаго найма, что совершенно — естественно при бѣдности массы и маломъ числѣ принадлежащихъ ей правъ на вещи. Первая, главная и общая черта вольнонаемнаго труда, составляющая существенное его отличіе отъ *панщины*, есть та, что поденщикъ и постоянный работникъ, получаютъ ли плату деньгами и вещами или нѣтъ, всегда продовольствуются отъ хозяина.

За поденную работу платятъ больше натурою, чѣмъ деньгами. Косаря, молотника, пару воловъ съ погоничемъ и плугъ воловъ еще

можно нанять за деньги. Но на полотье, пряжу нитокъ и другія женскія работы нанимаются за деньги весьма рѣдко. Воскъ и медъ, столь необходимыя въ религіозныхъ обрядахъ, также соль, чаще всего служатъ орудіемъ найма. Предпріимчивые хозяева, зная эту черту народнаго характера, съ успѣхомъ спекулируютъ, запасаясь въ большихъ размѣрахъ такими продуктами, такъ-какъ расплата солью, медомъ и воскомъ стѣбтъ имъ гораздо меньше, чѣмъ еслибы они заплатили деньгами. Кромѣ поденной работы за плату, отдаваемую въ руки работнику, здѣсь въ большемъ ходу толѣки, или работы за харчъ, конечно хорошую, изобильную, — дорогую въ быту поселянъ — и за водку. Водка при этомъ употребляется въ чрезмѣрно-большомъ количествѣ. Напримѣръ, косари и женищины-мазальщицы домовъ выпиваютъ ея, по отзывамъ хозяевъ, по квартѣ и больше. Есть наконецъ одна работа, за которую ни въ какомъ случаѣ не берутъ денегъ: — это рытье могилы для покойника. Относительно найма погонича къ плугу существуетъ правило, что за пять дней работы, хозяинъ на 6-й отправляется съ плугомъ пахать его ниву. Такой способъ вознагражденія для погонича очень выгоденъ, если сравнить денежную поденную плату за этотъ трудъ — отъ 10 до 15 к. съ платою за дневную работу плуга — отъ 1 до 1½ руб. сер. Несмотря на это, упомянутый обычай соблюдается у крестьянъ и не поддается измѣнившимся экономическимъ условіямъ времени.

Наемъ работника или работницы въ годовое услуженіе (наймитъ, наймичка) имѣетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ свои особенности, не лишенныя большаго интереса для наблюдателя. Наемная плата, получаемая нанимающимися, называется »роківщина«, »рокове« и отдается, по принятому обычаю, по окончаніи года. Плата эта заключается въ деньгахъ, хлѣбѣ и одеждѣ. Въ теченіе года хозяинъ водить наймита въ своей одеждѣ, которую наймитъ, отходя, по окончаніи года, оставляетъ у хозяина для наймита, имѣющаго поступить на его мѣсто. Годовой срокъ считается обыкновенно отъ праздника до праздника, хотя бы послѣдній приходился не въ одинъ и тѣ же числа гражданскаго лѣтоисчисленія, напр. отъ Великодня до Великодня. Прогулы надбываются послѣ срока, а за утрату и порчу порученныхъ вещей дѣлаются, по окончаніи года, вычеты изъ наемной платы, которые нерѣдко бываютъ очень велики. Если нанявшійся отходить отъ хозяина, не прослуживъ года, то онъ долженъ возвратить носимую одежду и не имѣетъ права на плату за прослуженное время, — а если хозя-

ня, по обстоятельствамъ, не имѣетъ надобности въ работникъ и отпускаетъ его до истеченія годового срока, то долженъ заплатить за прошедшее время его службы. Продолжительныхъ сроковъ найма не существуетъ; нанимается только мальчикъ, пока не придетъ время женитьбы, да человекъ, постигнутый несчастіемъ, хотя и этого послѣдняго никогда не покидаетъ надежда собраться на свою хату и жить якъ люде.

Въ прежнее время, случаи поступленія южнорусскихъ земледѣльцевъ въ наймиты, по всей вѣроятности, были болѣе рѣдки, а надежда — сдѣлаться хозяиномъ изъ наймитовъ, при большемъ просторѣ и привлекательности земледѣльческаго быта, — была живѣе и энергичнѣе. Народная муза—всегда вѣрный отголосокъ задушевной жизни общества—сохранила намъ, въ этомъ отношеніи, живущую въ устахъ поселянъ пѣсню, про наймита—петягу, въ которой этотъ идеальный наймитъ—бѣднякъ, прослуживши многіе годы, безъ платы, хозяйкѣ—вдовѣ, вознаграждается правомъ выбора: завестись своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, получивши отъ вдовы многочисленное скотоводство, или сдѣлаться домочадцемъ, женившись на ея дочкѣ.

Ой петяго, петяго,
А петяженько моя,
А де заслужина твоя!

Ой служивъ я у вдови,
Ой служивъ у небѣги,
Сорокъ годъ ще й чотирі.

Ой несходно, несходно!
Заплати-жъ мені, вдово,
Бо я въ тебе служивъ довго.

Ой вивела удова,
Та вивела небѣга
Сорокъ коней ще й чотирі.

Ой дивітеся жъ, люде,
И суди жъ ти, громадо,
Чи несходно ёму бѣде.

Ой несходно, несходно!
Заплати-жъ мені, вдово,
Бо я въ тебе служивъ довго.

Ой вигнала удова,
Та вигнала небѣга
Сорокъ волівъ ще й чотирі.

Ой дивітеся-жъ, люде,
И суди-жъ ти, громадо,
Чи не сходно ему буде.

Ой вивела удова
Ой вивела небога
Свою дочку-нарядочку.

Ой дивітеся-жъ, люде,
И суди-жъ ти, громадо,
Чи не сходно ему буде.

Ой сходно, сходно,
Заплати-жъ мені вдово,
Бо я въ тебе служивъ довго.

Вотъ идеаль южнорусскаго наймита: безпріютный бѣднякъ служить зажиточной хозяйкѣ, служить многіе годы безъ всякаго договора, и не получаетъ никакого вознагражденія до-тѣхъ-поръ, пока выслужилъ право, и рѣшился самъ сдѣлаться хозяиномъ. Дѣйствительность, конечно, не всегда вѣрна своему идеалу. Такъ и на этотъ разъ: — идеаль самъ-по-себѣ, а на самомъ дѣлѣ—нимаются довольно часто; существуетъ правильный договоръ такого найма, съ определеннымъ вознагражденіемъ за службу, съ срокомъ также точно определеннымъ и, по большей части, всегда непродолжительнымъ. Вообще, личный наемъ въ современномъ намъ быту южнорусскихъ поселянъ уже не носитъ на себѣ характера какой-нибудь случайности, но въ отношеніяхъ хозяина къ наймиту дѣйствуетъ обычай. Теперь, при измѣнившихся экономическихъ условіяхъ, замѣчаются суровость, жесткость и неподвижность—неизбѣжные результаты консервативной силы всякаго обычая.

Не останется, конечно, безъ вліянія на это право то обстоятельство, что теперь нанимаютъ много наймитовъ и наймичекъ паны. Этотъ родъ найма, въ глазахъ нанимающихся, имѣетъ нѣкоторыя неблагопріятныя стороны, какъ-то: нанявшійся у пана, въ дворовую и, особенно, комнатную службу, отстаетъ отъ хозяйства, или мало пріобрѣтаетъ опытности въ этомъ чрезвычайно-разнообразномъ дѣлѣ; замкнутость и искусственная непривлекательность домашняго быта пановъ очень отталкиваютъ отъ комнатной службы крестьянскую молодежь, для которой сидѣть весь день молча, и отказывать себѣ въ увеселеніяхъ улицы и досвѣткахъ кажется нестерпимымъ. За все это панамъ приходится платить прислугѣ нѣсколько дороже, да сверхъ того они всегда да-

ють наймитамъ частьде негъ впередъ, и, слѣдовательно, въ ихъ сдѣлкахъ съ наймитами не можетъ быть рѣчи объ удержаніи хозяиномъ денегъ за прослуженное время.

Въ наймѣ на лѣто пастуховъ замѣчаются слѣдующія черты: пастухи бываютъ или общественные — на все село, или поставленные отъ хозяина, которые пасутъ какъ хозяйскій, такъ и прійманскій скотъ. Плата за вынасъ, въ теченіи лѣта, рогатаго скота состоитъ обыкновенно изъ денегъ и коробки или пуда хлѣба (ржи) на зимнее продовольствіе пастуха. Денежная плата измѣняется, смотря по тому, существуетъ ли въ селеніи общественный, по большей части, козачій вынасъ, есть ли тамъ обыкновеніе пускать чрезъ 2 года одну руку поля въ толоку, или скотъ вынашивается на землѣ, принадлежащей въ частную собственность. Въ послѣднемъ случаѣ, плата самая дорогая. Сколько мнѣ извѣстно, она колеблется отъ 30 коп. до 1 р. сереб. Плата за рогатый скотъ отдается обыкновенно по окончаніи лѣта. Но за овецъ и свиней, какъ за товаръ, который подвергается болѣе частымъ переходамъ отъ хозяина къ хозяину въ теченіи весны, лѣта и осени, въ нѣкоторыхъ селахъ есть обыкновеніе брать одну половину платы весною, когда животное поступаетъ на пастбу. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, селахъ этого не дѣлаютъ; но держатся правила собирать плату среди лѣта, для чего пастухъ, оновѣстивъ предварительно хозяевъ, загоняетъ овецъ или свиней на загонъ и держитъ ихъ тамъ, пока хозяева приносятъ деньги. Вообще же принято, что за скотину, какъ бы скоро, по поступленіи къ пастуху, она ни была взята хозяиномъ для продажи, дается пастуху половина наемной платы. Пастухъ за потерю овцы отъ звѣря (волка) не отвѣчаетъ; но если она пропала отъ крови, которую слѣдовало *сбить*, то онъ долженъ заплатить хозяину.

Вознагражденіе за потравы имѣеть, по народному праву, свои особенности, которыя постараемся представить такъ, какъ они намъ показались.

Народъ держится правила: «Не той платитъ за спашъ, хто пасѣ, а той, хто піймавсь.» Примѣненіе этого правила ко всѣмъ случаямъ потравы не всегда возможно, рѣдко соотвѣтствуетъ платежнымъ средствамъ поймавагося хозяина скота и во многихъ случаяхъ явно несправедливо, напр. когда хозяину коровы, взшедшей только одинъ разъ и то на весьма короткое время на ниву соседа, приходится вознаграждать за потерю хлѣба на цѣлой десятинѣ и больше. Рядомъ съ строгими и часто очень отяготительными для поймавагося хозяина рѣ-

шеніями крестьянскихъ судовъ, можно встрѣтить примѣры, что общественныя власти, въ разрѣшеніи жалобъ о потравахъ, стараются обходить изложенное нами правило, выискивая хозяевъ, которыхъ скотъ видѣли прежде на мѣстѣ потравы и привлекая ихъ къ ответственности вмѣстѣ съ владельцемъ пойманнаго скота. Тѣмъ не менѣе народъ и урядники вѣрятъ въ силу упомянутаго правила, и не упускаютъ случая погнать имъ небрежныхъ хозяевъ скота. Такую привязанность къ неудобноисполнимому закону и сочувствіе къ его устрашающей силѣ можно объяснить, по нашему мнѣнію, тѣмъ условіемъ хозяйственнаго быта крестьянъ, что они живутъ не въ хуторахъ и не на фермахъ, а въ большихъ селахъ. Хозяинъ, живущій въ селеніи, часто въ весьма отдаленномъ разстояніи отъ своей нивы, конечно, не въ состояніи бдительностію и постоянствомъ надзора предупреждать потравы. Народный обычай старается вознаградить его за это, рассчитывая, при назначеніи платы за потраву не столько на соразмѣрность ея съ причиненнымъ убыткомъ, сколько на устраненіе небрежныхъ.

Пойманный на потравѣ скотъ рѣдко загоняютъ, а по большей части отнимаютъ у пастуха одежду, и держать ее пока пастухъ, или его хозяинъ, не придутъ за нею.

Совершенно новое явленіе въ быту южно-русскихъ крестьянъ составляетъ переселеніе на казенныя земли, которое, съ нѣкоторыми ограниченіями, позволено теперь крестьянамъ мелкопомѣстныхъ имѣній. Переселеніе это, издавна существовавшее у козаковъ,—у помѣщичьихъ крестьянъ бросилось мнѣ въ глаза тою своею особенностію, что изъ козаковъ шли на переселеніе преимущественно люди богатые, а бѣдняки, не могли преодолѣть своей привязанности къ родинѣ и непріимчивости, оставались на старыхъ мѣстахъ. Напротивъ, у крестьянъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, замѣтно больше отваги и энергіи, такъ-что даже бѣднѣйшіе изъ нихъ рѣшаются проситься въ переселеніе.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

II.

Прошелъ мѣсяцъ. Весь этотъ мѣсяцъ провелъ я въ спѣшныхъ, приготовительныхъ, такъ-сказать, работахъ, среди которыхъ рѣшительно не было еще возможности всмотрѣться въ явленія новой жизни

нашого земства. Откривались сільскія общества, производились выборы должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, сільскаго и волостнаго. Если встрѣчались жалобы и недорозумѣнія, то они разсматривались и рѣшались мною почти наскоро, почти въ духѣ умершаго вотчиннаго права; — во всякомъ случаѣ не такъ обстоятельно и не съ тѣми приѣмами строгой законности, которыхъ требуетъ современное положеніе крестьянскаго дѣла. А потому немного еще приходится мнѣ внести въ свои записки.

Разекажу съ самого начала, какъ открывались общества. Вездѣ, во всѣхъ селахъ, повторялось одно и то же съ самыми малыми измѣненіями.

»Крестьяне, собранные на дворѣ помѣщика, или управителя, ожидали моего прїѣзда. Прїѣхавъ въ село, я съ Положеніемъ въ рукахъ обращался къ крестьянамъ съ такими словами:

»Громадо! Объявили вамъ свободу и казали до времени, поки установитця нове начальство, казали вамъ бути постарому, підъ начальствомъ свого пана. Бо по правиламъ (*), треба було вибрати мировихъ посередниківъ и імъ поручити запроваженне новихъ порядківъ. Отъже для того участка, въ которімъ записано ваше село, назначили мене мировимъ (голоса изъ громады: »чули ми сее, чули, ясний пане.«) Не знаю, чи зумію, чи ні, послужити вамъ, громадо, такъ, якъ би хотілось, але буду старатися служити, шануючи законъ, на варті у котрого мене поставлено... Зъ сього часу вашъ панъ вже не буде вами правити, — будете мати свое власне начальство, которе сами виберете собі зъ свого кола. А коли буде въ кого зъ васъ якась претенсія до пана, або у пана до кого зъ васъ, то маєте удаватися до мого суда; я буду васъ годить, мирить: — для того и презиваюсь я мировимъ. А ежели потрібно буде провинившогося укарати по закону, то волю того закона ниhto другій, якъ я буду шукаль своімъ судомъ. Але не святій я, громадо, чоловікъ: часомъ могу и помилитись, укарати когось несправедливо, могу зробити якуюсь справу не такъ, якъ би належало; — въ такімъ разі скривжений має право скажитися на мене до мирового зїзду, що буде збиратися разъ на місяць въ повітовімъ нашімъ місті. Тамъ будуть судити справу вже всі наши мировіи, разомъ зъ маршалкомъ. Коли и мировий зїздъ не

(*) Положеніе о крестьянахъ здѣсь вездѣ въ народѣ называется правилами.

догодить, можно и на него скажитися въ губернію до присутствія. Але, зъ Божєюпомочью, можеми якось и обійдемося безъ тихъ скаргъ до мирового зъїзду и до губерньского присутствія. Хочу служити вамъ, громадо, щиро и начальствовать надъ вами такъ, щоби, якъ пройдуть тії мої три роки, то почувъ би відъ васъ спасибі, бо тее спасибі буде для мене луччею наградю за всю працю, на котру теперъ піднимаюсь. Дай же, Боже, щоби межъ нами була правда, святая правда (ізъ громады: »дай Боже, дай Боже!«)... Теперъ на—самъ—передъ треба вамъ вибрати старосту, котрий заступить вамъ пана, — більшъ якъ пана. Панъ бувъ вамъ начальникъ для того, що вздумалося ёму покушити ваше село, або для того, що вмеръ ёго отецъ и досталося ему ваше село въ спадокъ. А староста буде вами правилъ для того, що громада ёму скаже: даемъ тобі право правити нами три роки. Зрозумте жъ, громадо, що тутъ виходе, яка виходе власть старости, и якъ прийдеться після того покорятися старостові. Вибірайте жъ, що тільки є у васъ найлуччого, шукайте чоловіка такого, щоби вінъ ні въ чимъ не булъ примеченимъ. Щоби потимъ, якъ стане вінъ укоряти п'яного чоловіка, той не мігъ би ему сказати: »а ти хіба не буваєшъ часомъ п'яний?« якъ стане вінъ сварити когось за тее, що не шанує свого отця, або матеръ, — щоби той не мігъ сказати ёму: »а для чогожъ ти самъ оттоді—й—тоді такъ—п—такъ трактовавъ свою маму, або батька?« коли вінъ схоче повестидати ледащого, щоби той ледащій не мігъ припоманути ёму ёго не дуже щирої праці. — Розумієте?!. (»Авжежъ такъ«!) Отъ же ,послухайте я вамъ, громадо, прочитаю зъ правилъ всі обязанности старости, то ви й побачите, якій тутъ потрібенъ вамъ чоловікъ, якій тутъ потрібенъ розумъ.«

Я раскрывалъ Положеніе и читалъ статью за статьей объ обязанностяхъ старосты, переводя каждую строку на южно—русскій языкъ и объясняя примѣрами. При этомъ, сейчасъ же оказывалось, что отсутствие издания Положенія на южно—русскомъ языкѣ вызоветъ много и много недоразумѣній и еще болѣе усилитъ въ крестьянахъ то недовѣріе къ мировымъ посредникамъ, которое вызывается уже тѣмъ, что мировой посредникъ—панъ, человекъ въ сюртукѣ. Нужно сказать еще и то, что у насъ мировые посредники почти все поляки и половина изъ нихъ сами не вполне понимаютъ языкъ Положенія,—значитъ, дѣйствительно переводы и толкованія не могутъ выходить у нихъ безукоризненны.

Тѣ статьи, въ которыхъ говорится объ обязанностяхъ старосты, касательно нуждъ и пользы общества, громада выслушивала всегда внимательно и спокойно; но какъ только доходило до наблюденія за отбываніемъ повинностей передъ помѣщикомъ, громада начинала волноваться и изъ толпы слышались разныя замѣчанія, сомнѣнія. Статья же 59—я: »долженъ крестьянъ, отбывающихъ издѣльную повинность, наряжать на работу, а съ оброчныхъ взыскивать оброкъ, сообразно съ требованіемъ помѣщика... и вообще немедленно исполнять законныя требованія помѣщика, подъ своею личною отвѣтственности,—» эта статья вызвала часто взрывъ негодованія слушавшихъ, вслѣдъ за чѣмъ десятки голосовъ начинали кричать: »не треба, не треба намъ старости! Якъ будемъ вольні, то втоді й виберемо собі старосту, а теперъ на—що ми будемо відъ себе давати панові отамана до загадованья панщини!«

Сколько въ этихъ случаяхъ нужно было терпѣнія, такту, мягкости и краснорѣчія, чтобы возвратити громаду къ порядку и убѣдити ее въ томъ, что свобода не ведетъ за собою уничтоженія повинностей за землю; что изъ закона вычеркнуто право помѣщика на личность крестьянина, но не вычеркнуто право помѣщика на купленную имъ, или полученную по наслѣдству, землю; что, по уничтоженіи вотчиннаго права, помѣщикъ не можетъ, уже черезъ своего управителя, или атамана, требовать отъ свободнаго человѣка слѣдуемой съ него повинности, что громадѣ необходимо имѣть своего представителя, старосту, посредствомъ котораго помѣщикъ сносился бы съ громадою и который слѣдилъ бы за тѣмъ, чтобы ни съ кого не взяли лишняго. Я предвидѣлъ подобныя трудности при открытіи общества и хотя не имѣлъ еще случая испытать силу своихъ убѣжденій, но отказался отъ предоставленнаго мнѣ содѣйствія полиціи и объѣзжалъ село одинъ безо всякихъ атрибутовъ какой-либо власти. Были минуты, когда я терялъ терпѣніе, когда не ставало у меня ни голоса, ни словъ, ни присутствія духа. Въ эти минуты, еслибъ была при мнѣ хоть какая нибудь матеріальная сила, я, кажется, не выдержалъ бы—употребилъ бы ее въ дѣло и, разумѣется, испортилъ бы дѣло совершенно. Находясь же въ безвыходномъ положеніи, я понималъ, что выйти изъ него могу лишь силою слова, убѣжденія, мира, и — выходилъ. Иногда я даже пользовался своимъ положеніемъ. Я обращался къ раздраженной толпѣ съ такими словами:

»Послухайте, громадо!.. послухайте, що я вамъ скажу... Овва!

якажъ не добра громада:—говорити чоловікові не дає!... Послухайте... Не мині васъ змушувати до того, що потребує відъ васъ законъ. Бачите якъ я до васъ приїхавъ... самъ еденъ и говорю зъ вами, здається мині, не такъ якъ той, що задає страху, говорю по-людськи, добримъ способомъ, бо я не поставленъ надъ вами для того, щоби ви мене боялись, а поставленъ, щоби ви черезъ мене познали новий законъ и яки вінъ надає вамъ права, яки вінъ тамъ потребує нови порядки; поставленъ я, щоби боронилъ я тії ваши права, тії нові порядки, боронилъ би васъ и пана відъ кривди, щоби судилъ и годилъ би васъ. Отъ же я приїхавъ и читаю вамъ правила; говорю вамъ, що и якъ теперъ повинно бути у насъ, говорю вамъ не зъ голови своєї, не зъ паньскої думи, а читаю зъ закона. Ви замість того, щоби ушанувати якъ треба нового свого начальника, которий ежели й не добрий чоловікъ, то не мігъ ще, бо навіть немалъ часу, зробити вамъ щось не добре,—ви ёго обижаете дармо. Про мене, якъ ви тамъ собі хочете: слухайте, чи не слухайте мене. Я іще разъ скажу вамъ, що ни сварити, ни карати васъ за тое не буду. Піднявся я служити вамъ, а не командувати вами. Якъ приконаєте, що однимъ розумомъ та христіанськимъ словомъ служити на васъ, громадо, не можна, то не конечно буду набивался... уступлюсь. Най становитця надъ вами мировимъ хтось инший. Але щожъ вамъ съ того?.. Якъ я, такъ и другий, все теежъ самое буде вамъ говорити и скінчитця таки воно на тимъ, що хтось зовсімъ перестане говорити, а каже змусити васъ шанувати закони. Не можна жъ перебирати картки їхъ, якъ тії хустки у жидівки вь краминиці. И будете ви мали вь своїмъ селі жандарівъ, або ще й москалівъ... И зъ якії же рації? зъ тий, що една якась картка не подобалась.»

Говоря такимъ образомъ, я всякій разъ достигалъ того, что громада успокоивалась и мирилась съ указаннымъ мною требованіємъ закона.

Въ селѣ (*) были собраны громады нѣсколькихъ селѣ. Встрѣченъ я былъ ими чрезвычайно враждебно—такъ, что съ разу былъ озадаченъ и тономъ заговорившихъ со мной крестьянъ и содержаніемъ первыхъ сдѣланныхъ мнѣ вопросовъ. Когда въ отвѣтъ на вопросы сталъ я читать соотвѣтствовавшія статьи Положенія, то крестьянинъ изъ

(*) С. Г—б—въ.

села Ц — помітившись у самого мого локтя, сейчасъ же остановивъ мое чтеніє, почти ударивъ тяжелою ладонью по раскрытой книгѣ и сказавъ съ сердцемъ: »Не говоріть намъ зъ голови, а читайте те, що прійшло відъ царя. Въ тихъ правилахъ зовсімъ не тее написано, що ви читаете.«—Слухай, чоловіче, замѣтивъ я ему: — знаю, чого тобі хочеться, знаю, що ти хочешъ услухати... але, я на-самъ-передъ не зъ тихъ, що читають правила за сорокивку, або за кварту горілки и стараются набрати тихъ сорокивокъ якъ найбільше. Ні, чоловіче, я не торгую неправдою! дай ми ні чистий покій, и слухай«.—Но мое чтеніє снова было остановлено загорѣлой рукою—вещкого крестянина и я услыхалъ отъ него опять тотъ же самый укоръ, только въ выраженіяхъ болѣе рѣзкихъ.—»Громадо! заговоривъ я тономъ обиженного: — ви не посилали по мене, ви мене не наймали, я не обіцявъ вамъ читати для потіхи. Приїхавъ я до васъ якъ начальникъ, зъ волі царської; читаю для того, щоби не говорити зъ-голови, щоби відвѣчати вамъ просто зъ закона, читаю, що бачать мої очі. Якъ буде сей чоловікъ вашимъ мировимъ (Боже ёму допомагай!), то буде вінъ читати вамъ правила такъ, якъ вінъ уміє, а я не могу позичити въ нѣго очей и ёго очами читати. Та й на що би я молюъ язикомъ своимъ тее, що вамъ мелять москалі за сорокивки?.. Чи мало їхъ у васъ, чи не буде ще часу наняти вамъ кого зъ нихъ и тішитися їхъ читаннямъ?.. Отъ якъ я поїду до вашихъ сусідівъ, то заразъ найміть собі котрого и най вінъ васъ мороче... тільки не забудьте ёму сказати, що якъ буде читати річи гарні, то накинете двадцатку: —побачите, яки вінъ тоді стане веселі та любі закони начитувати. А теперъ, перепрошаю васъ, буду сполняти свою службу по присязі, а не въ утіху сѣму чоловікові.« И я продолжалъ читать. Послѣ третьей выходки, я сложилъ книгу, взялъ ее подъ мышку и досталъ изъ кармана бумажникъ съ записной книжкой.

— Вибачай міні, чоловіче: може воно й не совсімъ гарно такъ зачинати знаємість; але—що робить—мушу я сее зробити. Скажи міні, якъ ти прозивається?

Тонъ мой смутивъ заносчиваго крестянина.

— Якъ же ти прозиваєшся, чоловіче?

Онъ сказавъ своє имя и прозваніє, потомъ прибавивъ:

— »Мині капитанъ читавъ тії правила и я дуже добре памятаю, що...«

— Чоловіче, я записавъ якъ ты прозиваєся; теперъ можешъ собі скільки хочешъ баламутити своїхъ сусідівъ. Але, памятай!.. ежели въ — впахъ вийде якій непорядокъ, яке непослушанне, то я приїду и заразъ тебе визву зъ громади къ отвѣту...

— »Коли кажу я вамъ,—мині капитанъ читавъ...«

— И про капитана твого не забуду я вгоді.

Въ это время другой крестьянинъ, стоявшій противъ меня шагахъ въ пяти, или шести, нѣсколько нетрезвый, проговорилъ сквозь зубы: »Співай, співай, мій голубчику!... послѣ инакше заспівашь.« Проговоривъ эти слова ко мнѣ, онъ медленно повернулся и, переваливаясь съ ноги на ногу, отошелъ въ средину толпы.

Я продолжалъ читать, не показавъ даже вида, что слышалъ.

Бесѣда моя съ крестьянами въ этотъ день началась въ полдень и продолжалась почти до самого вечера. Солнце жгло меня немилосердно; языкъ высохъ; ломило грудь; потъ бѣжалъ съ меня ручьями, хоть я сбросилъ съ себя пальто. Но я видѣлъ какъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, мирное слово убѣжденія начинало брать верхъ, начинало все болѣе и болѣе покорять упрямыхъ крестьянъ и какъ имъ нравилось то, что я, не смотря на усталость, ловилъ на лету каждый вопросъ и отвѣчалъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, подтверждая всякій разъ статьями Положенія, хотя иногда вопросъ дѣлался такъ-себѣ, совершенно не для того, чтобы получить отвѣтъ. Мнѣ кажется, еслибъ тогда распорядился Іисусъ Навинъ такъ, какъ нѣкогда распорядился онъ ради того, чтобы Евреи кончили битву, то я говорилъ бы съ крестьянами до обморока. И чтоже? тѣ самые люди, которые въ полдень дерзко прерывали мои толкованія и обращались со мной, какъ съ человѣкомъ, пріѣхавшимъ ихъ обманывать, въ интересъ класса помѣщиковъ, обращались до нельзя оскорбительно, тѣ самые люди слушали меня потомъ съ самымъ неограниченнымъ довѣріемъ и вниманіемъ. Держа надъ моею головою свои соломенные шляпы, изъ которыхъ образовался такимъ образомъ родъ павѣса, они спрашивали меня обо всемъ, касавшемся ихъ новаго быта. Когда усталость заставила меня опуститься на землю, близъ стоявшіе не допустили до того и бросились растилать свои свиты. Когда наконецъ я объявилъ, что уже совершенно измучился и сталъ прощаться,—со всѣхъ сторонъ послышались самыя искреннія изліянія благодарности, сопровождаемыя дружескими взглядами. Почти цѣлою толпою я былъ поднятъ съ земли, отведенъ къ шарабану и приподнятъ на его

ступеньки. Я поїхав, а вслід за мною крики желанія щасливого путі. Я узнав потім, що послѣ моего виїзду изъ — го, громада пошла къ священнику, положила рубль на стіль і просила сейчасъ же йти в церковь служити молебень — «отъ за того мирового, що першій розказавъ і розтолкувавъ всю правду.»

Ну вотъ и говорите послѣ этого, что «на мужика не подійствуешъ убѣжденіємъ», совѣтуйте послѣ этого:

»Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.«

Помѣщикъ имѣнія, въ которомъ былъ этотъ сходъ, принадлежитъ къ кружку людей, видащихъ въ крестьянской реформѣ безпорядокъ— и больше ничего. Система хозяйства и управления имѣніемъ, созданная этимъ помѣщикомъ, служила образчикомъ людямъ его кружка и считалась ими системой чрезвычайно-умной, талантливой, основанной будто бы на глубокомъ познаніи натуры нашего крестьянина и его потребностей: «Строгъ, но справедливъ.» На то, что крестьяне должны ему нѣсколько тысячъ рублей, на это указывалось, какъ на заботу его о благосостояніи крестьянъ. Описанный мною сходъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ частокола помѣщичьяго гумна и ни крестьяне, ни я не знали, что нашу бесѣду подслушивавъ за частоколомъ «строгий, но справедливый» помѣщикъ. Вхожу въ его тогдашнее положеніе: — ужасныя минуты (вѣрите: часы) были пережиты имъ! Посудите: столько лѣтъ человѣкъ хозяйничавъ и управлялъ, на основаніи глубокаго познанія натуры крестьянина и въ хозяйничанье его, словно въ семейное дѣло, никто не вмѣшивался, не смѣлъ вмѣшиваться. Вдругъ пріѣзжаетъ посторонній человѣкъ и передъ нимъ раскрывается во всѣхъ подробностяхъ это семейное житье-бытьѣ; крестьяне, не понимающіе никакой деликатности, выдають все до послѣдней семейныя тайны, все секреты управления, самые щекотливыя секреты—и своими распросами наивно показываютъ, что они были машиной, постоянно хорошо, въ порядкѣ содержанной, что они были всегда сытые, одѣтые соответственно времени года, и проживавшіе въ прочно выстроенныхъ избахъ, слѣдовательно всегда были исправными работниками.

»Паночку! ми... ніколи не мали жадного голоса, ми тільки відъ рана до вечора, відъ неділі до неділі слухали, що, де и якъ маємо робити. Ми тільки отъ теперъ відъ ясного пана першій разъ

чуємо, що ми громада и що ми сами можемо дбати о интересахъ громадських... да и то не знаємо, якъ то ми будемо о нихъ дбати: мало що не кажний у насъ чоловікъ въ долгу у пана; — требажъ той долгъ якось відробити — нічого не поможе, — треба відробити; але якъже ёго відробити!»

— Панъ же вашъ,—чуль я,—завше справно плотить за кажний перероблений день, замѣчалъ я крестьянамъ.

»Ба! що зъ того, що платить... вінъ рахує за жиначій день десятку, чоловікові поль-злотка, а за тягловий день двадцятку. Колижъ такимъ способомъ відробитця той долгъ? Гонять що-день на роботу, и воно здаєся, що відробишь, а прийдуть податки и зновъ твій долгъ якъ буль, ежели не прибільшился. Чоловікъ утратилъ навіть надію вийти зъ долгу.»

»А зо мною якъ теперъ буде?—спросилъ одинъ крестьянинъ, виступая изъ толпы:—на мене совсімъ кривда.»

— Хтожъ ти такій?

»Гуменний.»

— Чоловіче, якъ же може бути, щоби гуменному було зле?

»А щожъ минн зъ того добра, що я якъ день такъ нічъ, цілий рікъ служу и пильную паньскій тикъ за тое поле. Бійтеся Бога! да я відбувъ би паньщину та й малъ бы спокій и на себе щось би зробилъ...

Послѣ этого я говорилъ съ помѣщикомъ, представлялъ ему, я—неопытний молодой хозяинъ, ему опытіишему, старому хозяину — представлялъ всю несправедливость его системы. Но помѣщикъ оказался сильнымъ законникомъ. Онъ спокойно раскрылъ передо мной инвентарныя правила и показалъ, что за деньги, данныя на подати, имѣеть право требовать работу, считая пять копѣекъ за женскій день, семь съ половиной копѣекъ за мужской пѣшій и десять копѣекъ за тягловой. Показалъ, что своимъ служащимъ имѣеть право не платить болѣе того, что платить и проч. Я выставлялъ ему безвыходное положеніе такихъ должниковъ помѣщика, особенно если въ долги ихъ вошли разныя и разныя »запомоги« и штрафы, присужденныя произвольно, отъ чего цифра долговъ приняла болѣе или менѣе серьезные размѣры, между тѣмъ какъ должники за каждый рубль платятъ работою, стоющею, быть можетъ, два, три рубля. Помѣщикъ, съ совершеннымъ хладнокровіемъ, отвѣчалъ, что до всего этого ему нѣтъ никакого дѣла. Я было принялся объяснять ему, что теперъ уже не-

обходимо думать намъ не объ одномъ матеріальномъ интересѣ, а и о нравственномъ: объ отношеніяхъ своихъ къ крестьянству; но помѣщикъ съ собакевическою проницательностію замѣтилъ мнѣ, что онъ не вдается въ подобныя сантиментальности, что онъ никогда никакой политикой не занимается и смотритъ на свое имѣніе только какъ на источникъ дохода. Мнѣ оставалось одно: подумать самому о выводѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ изъ исключительнаго положенія. Югозападную границу вѣреннаго мнѣ участка измѣнили и практическій хозяинъ избавился отъ моего посредничества. Громада *ская встрѣтила эту перемѣну съ неудовольствіемъ; выслала ко мнѣ депутацію съ вопросомъ: должны ли они признать новаго мирового? и не будетъ ли ихъ признаніе обидно для меня? — Я выставилъ депутатамъ всю незаконность протеста ихъ громады, увѣрилъ въ томъ, что мировой посредникъ дѣйствуетъ на основаніи закона, а не личныхъ своихъ убѣжденій, наконецъ указалъ имъ и на личные качества ихъ новаго мирового посредника, котораго, когда онъ былъ маршалкомъ (уѣздн. предв. дворянства), нѣкоторые господа тогда только перестали называть за глаза *маршалкомъ хлоповъ*, когда узнали, что это названіе, данное съ злой насмѣшкой, очень лестно для предводителя дворянства при крѣпостномъ правѣ. Депутаты ушли, и *ская громада успокоилась.

Въ мѣстечкѣ — ахъ тоже собрано было разомъ нѣсколько громадъ, но это были села одного помѣщика, извѣстнаго, кажется, въ цѣломъ нашемъ краѣ. Тутъ я встрѣченъ былъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ крѣпость, осажденная сильнымъ неприятелемъ, встрѣчаетъ отрядъ, пришедшій къ ней на выручку. Все, что только ни говорилъ я, что только ни читалъ, все было хорошо, прекрасно, все принималось съ невыразимымъ удовольствіемъ. Замѣтилъ я позади толпы еврея, вытянувшего шею и съ любопытствомъ прислушивающагося къ нашей бесѣдѣ.

— Жиду! — обратился я къ нему: — бачишь громада стоить безъ шапокъ, а для того и я скинувъ свою; прошу жъ тебе: або зними шапку, або иди собі відсі.

Крестьяне переглянулись, а нѣсколько человѣкъ изъ стариковъ медленно, низко поклонились мнѣ.

Выборъ старостъ совершился спокойно и весело; потомъ стали просить, чтобы я еще разъ разтолковалъ имъ ихъ обязанности. Статьи о повинностяхъ помѣщику никого не возмущали. Наконецъ, начали

крестьяне рассказывать мнѣ про свое житье-бытьѣ. Я ихъ останавливалъ, напоминалъ, что прїѣхалъ только для открытія обществъ и выбора старостъ, да для прочтенія и растолкованія Положенія, жалобы же все просилъ отложить до другого времени; говорилъ имъ, что снѣшу объѣхать все села своего участка, познакомиться со всеми громадами, говорилъ, что я долженъ снѣшнить, потому что по селамъ пьяные люди читають и толкують по своему положенію и народъ напрасно волнуется...

— «Ясный пане!—прерывали меня крестьяне: —не знаемо, якъ тамъ у другихъ, а що до насъ, то най панъ буде спокійний, — у насъ жадного, жадного не буде непорядку. Будьте певні, мы не того бажаємо, що другі, ми будемо робити панові своєму, якъ робили, навіть ще більше, — най тільки заспокоїть вінъ наши кривди; най позаплачує вінъ намъ наши шкоди; най хоть яка-небудь з'явиться для насъ правда.»

И мнѣ становилось ясно, что население этого имѣнія совершенно непричастно тому общему движенію крестьянства, которое поднято реформою;—что эти громады слишкомъ заняты своимъ мѣстнымъ интересомъ; а потому я долженъ былъ выслушать все сѣтованія до конца и — крестьяне кажется отвели душу.

— Люди добрі! успокаивалъ я говорившихъ: — вірте мені, що вашъ панъ не злий чоловікъ, — вінъ тільки дивний а къ тому же его оточають непотрібні люди. Ми знаємо, хто зъ насъ якъ сидить; ми зналі, що у васъ тутъ робиться, все пали, але — ще разъ скажу вамъ — вірте мені, вашъ панъ не злий чоловікъ. Отъ будете бачили, якъ все у васъ буде пнакше, стану лишень я межъ вами и паномъ: побачите, я васъ погожу. Але—прошу васъ — сполняйте все справно и честно, що відъ васъ належить по закону. Старайтесь, щоби ви були чисти якъ скло, щоби я мігъ сміло говорити за васъ, а то якъ на ваши скарги почувую я и відъ пана скарги—трудно буде втоді дати раду.

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ, крестьяне обратились съ слѣдующимъ послѣднимъ вопросомъ:

— «Скажи жъ намъ, ясный пане, чи маємо ми теперъ право куповати горілку на стороні?»

— А ну її тую горілку! отвѣчалъ я:—на що ми ще й объ неї будемъ говорити. Отъ послушайте, що я вамъ порáжу: не купуйте горілки ни у пана, ні на стороні...

Предложеніе это оказалось нікуда не годнимъ. Здѣшній крестьянинъ не въ состояніи не только понять, но даже и повѣрить возможности не пить водки, если только его организмъ не изъ тѣхъ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ, которые не принимаютъ употребленія спиртуозныхъ напитковъ. У насъ право пропинаціи, эта грязная привилегія помѣщиковъ, всегда составляла не право продажи, а право распиванія. Жизнь крестьянства, бѣдная, тяжелая, лишенная почти всѣхъ условій разумной, нормальной жизни, какую слѣдуетъ вести человѣку, не представляла у насъ даже и того развлеченія, того занятія для мысли, какое даютъ торговля и промыселъ. У насъ крестьянинъ всегда былъ не больше, какъ сельскій батракъ. Онъ машинально и равнодушно работалъ на помѣщика, потомъ коекакъ и какъ случилось работалъ на отведенномъ ему кускѣ земли, работалъ всѣ будни, покидая хату и семью свою рано утромъ и возвращаясь къ нимъ вечеромъ для того только, чтобы съѣсть *вечеру* и лечь, гдѣ попало, спать, если онъ не на очереди сторожить цѣлую ночь какое-либо добро помѣщика, или если это не лѣто, когда приходится ему, послѣ вечѣры, отправляться опять въ поле пасти работавшую днемъ пару воловъ или коней. Однако, какъ ни старались обстоятельства превратить крестьянина въ вола и лошадь, онъ все таки оставался человѣкомъ и потому не могъ жить только физическою жизнью; не могъ удовлетворяться однимъ долгомъ—долгомъ работы; не могъ мириться съ обязанностью только покоряться волѣ другого: не даромъ же бываютъ въ году дни праздничные, въ которые винокурня помѣщика хотя и идетъ, но, вопервыхъ, только зимой; вовторыхъ — не требуетъ всего села; втретьихъ,—не у всякого же помѣщика есть винокурня; наконецъ, винокурня—то и тѣсно связана съ праздничнымъ днемъ крестьянина; она-то и указываетъ ему, что не даромъ бываютъ въ году праздничные дни. Кромѣ праздниковъ, у крестьянина бываютъ въ хатѣ родины, крестины, обрученія, свадьбы, похороны, поминки, слѣдовательно сходятся гости и нужно провести время. Говорить съ гостями?.. не о чемъ: жизнь сельскаго батрака, работника, каковъ каждый нашъ крестьянинъ, слишкомъ бѣдна и малосодержательна. Провешествія дня: волъ захромалъ, конь заболѣлъ, ось переломилась,—по это видѣли всѣ; такой-то сорвался съ крыши и разшибся,—и это видѣли всѣ; управитель ударилъ десять разъ въ лицо,—тоже видѣли всѣ; выѣхали жену, или дочь-невѣсту,—и это всѣмъ извѣстно; о чемъ же говорить съ гостями?.. чѣмъ наполнить время досуга?.. Единственный

выходъ: предаться обрядности. Обряды, будучи разъ сочинены, не требуютъ уже ни малѣйшей мысли, а между тѣмъ ошутительно наполняютъ время. Вотъ и проходитъ досугъ крестьянина въ исполненіи разныхъ обрядовъ. Еслижъ не предстоить необходимости совершить какой нибудь обрядъ, онъ идетъ къ тому, у кого потребовалось, а не то онъ вмѣстѣ со всѣми идетъ въ корчму, гдѣ распиваніе той же водки производится съ тою же обрядностью. Когда я слышу сужденія объ иныхъ обычаяхъ нашихъ крестьянъ, мнѣ приходитъ иногда въ голову мысль: зачѣмъ обрядъ называемъ мы также обычаемъ?.. Ко всему этому прибавлю, что въ каждомъ селѣ, въ каждомъ приселкѣ есть корчма; по всѣмъ дорогамъ, по которымъ двигаются какіе либо обозы, стоятъ корчмы недалеко одна отъ другой, а иногда по двѣ, по три вмѣстѣ. Взглянувши только на эти заѣздные дома, сейчасъ видишь, что заѣздъ у нихъ статья второстепенная. Шинкованье же въ корчмахъ чрезвычайно рѣдко ведется самимъ управленіемъ помѣщика. Большею частью корчмы отдаются въ аренду, а арендаторами до очень не давняго времени всегда были евреи, приходившіе на аренды только съ перинами и подушками, а выходившіе, послѣ пяти, шести контрактовъ,—часто съ порядочными капиталами, съ помощью которыхъ они дѣлались купцами и закупами урожай у владѣльцевъ корчемъ (*). Вслѣдствіе всего этого обряды крестьянскаго досуга, во-первыхъ, чрезвычайно многочисленны; вовторыхъ, безъ водки рѣшительно немислимы. Нанимается ли кто, торгуется ли что нибудь — начинаютъ и кончаютъ водкою и, конечно, не безъ нѣкоторой обрядности. Продавъ что нибудь крестьянинъ—въ ознаменованіе совершившагося факта, хотя бы то была продажа пяти яицъ, является водка. Поссорился крестьянинъ съ сосѣдомъ и вздумалось ему идти на судъ другаго — за рѣшеніемъ судьи непременно слѣдуетъ водка. Рядится крестьянинъ на какую-нибудь работу — выговариваетъ въ придачу водку. Встрѣтился съ знакомымъ другаго села—считаетъ долгомъ пригласить его въ ближайшую корчму выпить водки. Сошлись нѣсколько человѣкъ въ хатѣ—сейчасъ же посылаютъ за водкой. Родилось дитя — въ этотъ же день все сходятся пить водку и поить родильницу завѣшенную ковромъ, или изодраннѣмъ кускомъ полотна. Заболѣло что-нибудь у крестьянина—бабашарлатанка натираетъ больное мѣсто водкой, которая при этомъ такъ

(*) Впрочемъ, и теперь во всякой околицѣ найдутся корчмы, дѣйствительными арендаторами которыхъ—евреи.

же распивается. Женщина трудно родить—ей подносят водку. Человек плохо, совсем умирает—спешат подать ему водки. Умер—сходятся сейчас же все пить водку. На вынос тела надо непременно опять всякому поднести водки. Могилы никто не станет копать, если не дадут ему водки. *Доловины* тоже не сколотить никто без водки. Опустили в могилу гроб, в который перед закрытием вылита чарка водки, все пьют водку. Идет сват в хату—в кармане у него бутылка водки. На заручинах только и дѣлается, что с особенною обрядностью пьется водка. Свадьба—водка льется рѣкой с бесконечными обрядами. Жениха выводят к вѣнцу и свадебный староста между прочим, вытянув всех из хаты цѣпью, кропит публику святой водой и — водкой. Тоже между прочим дѣлается и в хатѣ невѣсты. Пришли в церковь, принесена туда и водка, потому что послѣ окончанія надо напоить церковного старосту и братство. На возвратѣ домой, молодых встрѣчают по улицам водкою и все пьют. Высыпают молодым за пазухи гроши, положенные ростями в приданное подъ задравныя чарки, вмѣстѣ с этими грошами выливают за пазухи и по чаркѣ водки. Вездѣ обряд, вездѣ водка, ни шагу без обряда, ни шагу без водки, все обряды—для водки. Ужасно, возмутительно, больно, прискорбно, но тѣмъ неменѣе это такъ, и такъ вездѣ, по всемъ селамъ, по всему прекрасному, богатому, бѣдному, несчастному нашему краю. А потому мое предложеніе—ецимъ громадамъ не покупать водки ни у пана, ни на сторонѣ показалось предложеніемъ чрезвычайно-страннымъ.

Скоро я убѣдился, что моя пропаганда трезвости рѣшительно ни к чему не ведетъ, между тѣмъ какъ возбужденный крестьянами вопросъ очень важенъ для нихъ, потому что арендаторъ назначаетъ высокую цѣну въ шинкѣ и взыскиваетъ немилосердные штрафы, если поймаетъ кого нибудь с чужою водкою. Крестьяне розсказывали мнѣ, что недавно управленіе помѣщика, по требованію арендатора, взыскало въ его пользу с одного хозяина за бутылку чужой водки восемнадцать рублей штрафа!

Предложенный вопросъ я разрѣшилъ такъ:

— Ні в манифесті, ані в правилахъ ничего не говорится о горілці. Але и в манифесті и в правилахъ сказано ясно, що ви теперъ люде вільні. Вільний же чоловікъ, здається мні, купує за свої гроши що хоче и дѣ хоче. А для того, мні здається, теперъ

ви вже маєте право купувати горілку якъ у своїй корчмі, такъ и на стороні.

Громада разрѣшеніємъ вопроса осталась очень довольна, находя его безукоризненнымъ.

Я отправился къ помѣщику. Первые дѣйствія моего посредничества въ его имѣніи были довольно удачны. Помѣщикъ очень любезно началъ съ того, что взялъ назадъ свое желаніе, (выраженное мнѣ передъ тѣмъ за нѣсколько дней въ письмѣ), чтобы я отказался отъ посредничества въ его селахъ. Помѣщикъ очень чувствительно жалъ мнѣ руку, высказалъ полную увѣренность въ моей добросовѣстности и полное невѣріе къ носящимся обо мнѣ слухамъ, обѣщалъ послушаться нѣкоторыхъ моихъ совѣтовъ, а я обѣщалъ рѣшительно, что никто не будетъ имѣть такой исправной барщины, какъ онъ.

При выѣздѣ изъ мѣстечка, въ коловоротѣ остановилъ меня, съ подобострастнымъ поклономъ, толстый, съдобородный арендаторъ мѣстной корчмы.

— Вы объявили крестьянамъ, что они имѣютъ право покушать водку на сторонѣ? спросилъ онъ.

— Да.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали!

— Какъ зачѣмъ?

— Не надо было этого говорить.

— Какъ не надо?... да вѣдь они меня спрашивали.

— Я знаю, что они спрашивали; но не надо было имъ говорить...

— Чтó же? я долженъ былъ имъ солгать и потомъ взять у васъ сто, или полтора ста рублей, не такъ ли?..

— Я не смѣю этого думать, но... не надо было имъ говорить.

— Я васъ не понимаю.

— Чтó же теперь со мною будетъ? Вѣдь я ужъ заплатилъ за аренду.

— Чтó будетъ съ вами?..

— Да! что жъ теперь будетъ со мною?

— Если вы заплатили послѣднія деньги и если помѣщикъ не согласится на сдѣлку, то вы будете банкротъ.

— За чтó же такъ меня карать?

— За то, что вы платите за аренду дороже, чѣмъ она стоитъ. Вѣдь еслибъ нельзя было брать по восемнадцати рублей штрафа за бутылку, то вы никогда бы не дали за здѣшнюю аренду тѣхъ денегъ, какія вы до сихъ поръ давали?... Все, чѣмъ могу служить вамъ, такъ

это только тѣмъ, что буду вмѣстѣ съ другими склонять помѣщика на сдѣлку.

На другой день я получилъ отъ помѣщика длиннѣйшій формальный за померомъ отзывъ, написанный однимъ изъ непрестанно—пишущихъ его адвокатовъ—нахлѣбниковъ. На двухъ листахъ мелкимъ почеркомъ написано множество разныхъ разностей и цитатъ изъ Положенія и Свода Законовъ, приведенныхъ разумѣется ни къ селу ни къ городу. Между прочимъ; говорится въ этомъ отзывѣ слѣдующее :

«Эти же старосты и другіе крестьяне говорятъ, что будто бы вы дозволили имъ брать на сторонѣ на свои надобности водку. Это противно было бы высочайшему манифесту, коимъ въ пунктѣ 6-мъ до истеченія двухъ лѣтъ со дня изданія того манифеста, повелѣно крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщиковъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности, а въ числѣ этихъ обязанностей была и та, что крѣпостные крестьяне не имѣли права брать на свою надобность водку изъ стороннихъ корчемъ; за это помѣщики платили казнѣ винокуренную подать, замѣненную въ послѣдствіи акцизнымъ сборомъ, да и вольнымъ людямъ не дозволено ввозить въ помѣщичье имѣніе чужую водку, ибо таковой подвозъ и т. д.»

Такимъ же точно тономъ говорится въ отзывѣ, что старосты не приходятъ каждый день за полученіемъ наряда барщины и не хотятъ ходить по селу заказывать барщину, ссылаясь на то, что «будто бы» я не велѣлъ имъ исполнять своихъ обязанностей.

Я отвѣчалъ помѣщику, что дѣйствительно, по закону, или вѣрнѣе сказать, по буквѣ закона можно все дѣло взвалить на одного старосту, но чтобы исполнить этотъ законъ, надо дать ему жизнь въ самомъ способѣ примѣненія его къ дѣлу. Открывая сельскія общества, я просилъ всѣхъ помѣщиковъ—не уничтожать старой должности атамана, который получивъ нарядъ барщины, отправлялся бы по прежнему на село заказывать ее, но передъ самымъ заказываніемъ заходилъ бы къ старостѣ, дабы потомъ распоряженіе помѣщика могъ объявлять крестьянамъ, какъ приказъ старосты. Я писалъ, что на первый разъ этотъ порядокъ признаю необходимымъ. Я старался объяснить и убѣдить помѣщика, что намъ самимъ надо стараться о томъ, чтобы сельскій староста какъ можно скорѣе усвоилъ себѣ положеніе старшаго чловѣка въ селѣ; если же онъ лично будетъ бѣгать подъ окна хозяевъ съ нарядомъ барщины, то исполняя такую унижительную, въ гла-

захъ крестьянъ, обязанность, онъ сдѣлается не старостою своего общества, а лакѣемъ помѣщика. Я сообщалъ, что почти все помѣщики моего участка согласились съ этимъ мнѣніемъ и удерживали должность атамана; старостамъ же я дѣйствительно приказалъ только разъ въ недѣлю, въ субботу, находиться при отдаваніи помѣщиками, или ихъ управителями, распоряженій атаманамъ. Что же касается продажи водки, то я отвѣчалъ, что объясненія мои о правѣ крестьянина на свободу покупки нужного ему продукта можетъ быть и неправильны, но искренни, а съ Сводомъ Законовъ я не справлялся, потому что тамъ нѣтъ постановленій о теперешнихъ временно-обязанныхъ крестьянахъ.

Дѣло пошло въ губернское присутствіе — и о водкѣ, и объ старостахъ. Губернское присутствіе рѣшило (между прочимъ): «пригласить г. г. помѣщиковъ, чрезъ уѣздныхъ предводителей дворянства, оставить по крайней мѣрѣ на первый случай существующую до нынѣ должность сельскаго атамана, въ помощь сельскому старостѣ, собственно для заказыванія слѣдуемой отъ крестьянъ помѣщику издѣльной повинности съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ ослушанія кого либо изъ крестьянъ, или неисполненія заказа, атаманъ тотчасъ докладывалъ бы о томъ старостѣ, для зависящихъ съ его стороны распоряженій и проч.» О водкѣ же губернское присутствіе рѣшило, заглянувъ въ Сводъ Законовъ; и такъ какъ «ни въ упомянутой 753, ни въ послѣдующихъ статьяхъ того же устава (о пит. сбор.) ничего не сказано о крестьянахъ поселенныхъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ», то вышло, что крестьяне нашихъ имѣній не имѣютъ права покупать водку на-сторонѣ.

Послѣ того я получилъ отъ этого же помѣщика другой отзывъ еще длиннѣе, еще замысловатѣе перваго. Онъ требовалъ смѣнить старосту въ одномъ изъ его селъ. Причины были выставлены чрезвычайно важныя: уголовныя преступленія старосты. Человѣкъ этотъ обратилъ на себя особенное мое вниманіе. Наружность Ч — а чрезвычайно красиваго мужчины въ высшей степени симпатична. Молодой человѣкъ, умный, толковый и довольно развитый (онъ былъ въ оркестрѣ помѣщика нѣсколько лѣтъ) пользовался въ громадѣ значительнымъ вліяніемъ и мнѣ что-то говорило, что это будетъ одинъ изъ лучшихъ старостъ, и главное — что это будетъ одинъ изъ тѣхъ, которые меня не только послушаютъ, но и поймутъ.

— Страшныя речі тутъ про тебѣ написаны, — сказала я Ч — ъ, прочитавъ отзывъ помѣщика.

— О, я знаю, що пану не хочеться бачити мене старостою,—отвѣчалъ Чернякъ, бросая какой-то странный взглядъ на бумагу въ моихъ рукахъ.

— Вінъ пише, що ти його обокравъ и що ти якось напавъ на священника въ его власнімъ дому.

Ч — ь засмѣялся. Потомъ вдругъ насунулся, закусилъ губу и изъ подъ нахмуренныхъ бровей огнемъ засвѣтились глаза.

Онъ разсказалъ мнѣ все дѣло, дѣло старое, бывшее восемь лѣтъ тому назадъ. Я его не повторяю здѣсь. Записки пишу не для себя и не для отдаленнаго потомства, а для современной печати, въ которой нѣтъ мѣста разсказу Ч — а.

Я поѣхалъ въ его село, собралъ громаду; употребилъ все усилія къ тому, чтобы не даться въ обманъ и, пріѣхавъ домой, отвѣчалъ помѣщику, что Чернякъ не можетъ быть смѣненъ, что нѣтъ никакой къ тому законной причины, а имъ представленныя—взяты изъ давно-прошедшаго времени, раскрывать которое не мое дѣло. Потомъ, при личномъ свиданіи, я поручился помѣщику за то, что въ селѣ Ч—а будетъ больше всѣхъ порядка и покорности его законнымъ требованіямъ. Сѣверозападная граница моего участка измѣнилась и помѣщикъ, окруженный непрестанно пишущими адвокатами—нахлѣбниками, избавился отъ моего посредничества.

—ещіе депутаты сейчасъ же явились ко мнѣ и спрашивали: что это значитъ? Я опять объяснялъ, какъ могъ, естественность перемѣны и просилъ старость, ради расположенія ко мнѣ, удержать громады отъ незаконныхъ протестовъ, которые ничего не принесли бы, кромѣ несчастія для громады и большихъ неудовольствій для меня. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, —ещіа громады выслали въ губернской городъ депутацію изъ трехъ человекъ съ прошеніемъ. Прошеніе это во многихъ отношеніяхъ было замѣчательно. Оно написано не къ губернатору, не въ присутствіе, а къ одному изъ членовъ присутствія, помѣщику В.—Г., который три года тому назадъ, былъ депутатомъ въ комитетъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, одинъ отстаивалъ то мнѣніе, которое пришлось ему въ послѣднее засѣданіе внести въ протоколъ особымъ мнѣніемъ, надѣлавшимъ тогда шуму и сдѣлавшимся теперь мнѣніемъ большинства, значитъ—общественнымъ. Очень жалѣю, что немогу помѣстить въ свои записки этого прошенія—ещіихъ

громадъ, поданнаго В—Г—; наивность его и чистосердечіе во многихъ мѣстахъ чрезвычайно трогательны, а въ цѣломъ—прошеніе полно особаго рода драматизма. Ч—ъ смѣненъ.

Григорій Ге.

ЗЪ ПОЛТАВИ.

(1 января 1862).

— — Зъ знесеннямъ крѣпацтва, у народі пішла, особливе по селамъ, хороша гуторка, що треба учти дітей грамоті, щобъ пани зновъ не закріпостили, а якъ же то ёго й учитьця? Оттуть-то и мудрація и дивовижа! Въ дѣ-вотрихъ селахъ, пани и пани позаводили школи, а ніхто въ ті школи не пускає дітей, хочъ усі й говорять, що треба учитьця грамоті; у тихъ же школахъ, що сама громада завела—доволі дітей; черезъ що жъ воно такъ?.. Эге! спершу воно дивно, а якъ щільно придивися, то й побачишь, що такъ воно й треба: до панівъ народъ має давню, историчну невіру, а попамъ не дає учти дітей черезъ тѣ, що вони негарно учать, по старій методі, а инчий не втерпить—скубне й за чуба.

Полтавці (не всі, а невеличка громада) щиро силкуютьця удовольнити народню потребу. И порадившись міжъ собою, думали завести «*Общество грамотности*», усе вже було готове, да ба! не вдача! не по їхній вині. Такъ-само не вдалось и в.п. Злигастевій здавать газету *Нива*. Великі були надії да обідві полетили въ Лету! Пехай царствують! може народятця другії... 3-го сентября одкрита дівоча недільня школа. Хозіює у сій школі в.п. Милорадовичка,—щиро и працѣвито; а учать дівчата зъ дівочої гимназії. У школи грошей и книжокъ доволі, доволі й учениць: записано 130. Черезъ три неділі послі дівочої школи, заведена хлопьяча недільня школа при повітовімъ училищі; да тільки тутъ якесь безголовья!..

Теперь иде річъ, и мабудъ, скоро стане діломъ, щобъ завести въ Полтаві ще дві школи, одну на Павленкахъ, другу на Кобишанахъ. Ждемо хутко дозволення зъ Киіва одъ попечителя, щобъ завести щоденну школу, на котру є вже й учителі, и гроши, и ученики.

Заведено ще, въ 1861 р., въ Полтаві дві жидівськихъ суботніхъ школи: хлопьяча й дівоча. Учятця у їхъ жиденята, (у хлопьячу хо—

дить зъ десятокъ и нашихъ хлопцівъ). Чудне діло оці жида! число жиденятъ—показує, що міжъ ними є велика потреба грамоти; за те не достача учителівъ зъ жидівъ, и не достача грошей показує, що старимъ жидамъ байдуже грамота! Чого краще? у хлопцячу школу записано 130, а ходить, що—суботи 65—80 жиденятъ; учителівъ буває 18—26, а міжъ ними 3 чи 4 зъ жидівъ. Або ще ось що: увъ Октябрі пришлося такъ, що ні—за—що було купити свічокъ для школи; усіхъ грошей зосталося меншъ 3—хъ карбованцівъ. П. п. По—ви (богачі) ще зімою записали на школу 20 карб.; отъ и писали імъ, и такъ прохали, щобъ оддали гроши, бо въ школі ні за що свічокъ купити; «добре, кажуть, пришлемо,» та й досі присилають! Колибъ наши *українці* не нарядили літературнєго чтенія, зъ котрого збирали на *жидівську* школу 90 карб., то, певнобъ, досі школа бухнула. Чудний народъ—жида! За слово гризутця, кричать, наче їхъ ріже хто, а до разумнаго, до плідючого діла—нема вдачи! Нехай, колись, я пришло *Основи* особливий листъ про Полтавськихъ жидівъ (*).

На Наума, 1 декабра, у Полтавській козацій волості, заведено три недільні школи. У с. Горбанівці—на первий разъ було 7 хлопців и 11 дівчатъ; у селі Жукахъ—34 хлопець и дві дівчини и въ с. Иванчинцахъ 22 хлопці. Треба бъ було ще завести школу у селі Патлаівці, да тамъ пан—отець не забажавъ. *Неудобно*, каже.

Такъ якъ у школахъ *можно* учити тільки грамоті, то вв. ш. Стронінъ и Пильчиковъ, зъ дозволення Министра Н. Пр., зъ 1-го октябрія стали читать *народні лекції* (за вхоть 3 коп. ср.) зъ естетствовідіння, історії, и инче, що потрібно знати кожному. Людей буває доволі. Лекції читають тільки по неділямъ; одну неділю в. п. Стронінъ; другу—в.п. Пильчиковъ.

Отъ вамъ житте торшіннєго году у Полтаві. Життя *громадського* не було й нема; и не диво! *Пани* живуть *панамі*. Нема въ насъ того, щобъ працювати усімъ разомъ, дружно, у—куш!.. Кат—зна що видумали! Намъ давайте карти, бенкети, танці: отъ—то наше діло; а голови нехай здорові спочивають... Есть у насъ ще такі панки, що

(*) Нехай *Сіонъ*, якъ хоче горло дере, а ми не одкажемось одъ слова *Жидъ*; бо себъ значило одказатьця одъ історії, одъ *народної* мови; а мова намъ дорога грошей. Правда, ми люде *исключительные*; нічого Жидамъ у насъ шукать; *Сіонъ*, спасибі ему, найшовъ для нихъ *отечество*. Тоді, може, й слово змінитця, якъ перемінитця історія; а поки—що—нехай собі жида панують, якъ пановали, да нехай же и звутця такъ, якъ звались.

Основу читають для *потьхи*, а вже зате *Сина Отчества* начитуютьця до схочу, для розуму, для *направленія*! Химерні люде!

Годі про їх,— ходімъ зновъ до людей. Чувъ я, що поміжъ лакеями, кучерами, поварами, куховарками и горничними, котри уміють грамоти, иде складчина на народню книгарню,—щобъ було, що, кажуть, читати у зимні вечера. Діло добре,—поможи Боже!

Нагадавъ про зимні вечера, то разомъ скажу вже слово и про зиму. Сей годъ лягла у насъ зима, ще одъ Катерини. Снігу доволі, морозці креплять гарненьки,—затежъ топливо, крий Боже, яке дороге! Да се ще не біда, а отъ велике лихо: — кь осені округъ Полтави залягла сарана, а велика снігова зима—наробить того, що сарана на весну виплодитця. А кумедія зъ сараною! Вь осені їхавъ я у Кременчугъ и, одьїхавши верстовъ 50, чи може й більшъ, одъ Полтави, ставъ біля шинку попасать коней. У хаті сідло чотирі чоловіки и говорили про сарану. Одинъ розказувавъ, якъ треба її зводить.

» — Не можна сарани зводить, озвався другий, грїхъ за се...

» — Чогó такъ? — спитали его.

» — Э! чого! а ви й не знаєте! Нашъ дяконъ, — вінъ чоловікъ не аби-який, розумний, — розказує, що сарана — свята птиця: налетіла сюда зъ Єрусалима, її зводить грїхъ. У ёго бувъ двоюродний дідъ, котрий усе бивъ сарану, дакъ за те, якъ умеръ, то такъ и обсіла его сарана по всему тілі, да такъ густо обсіла, що нігде було й курці клюнуть. «

Ставъ я увірять, що дяконъ бреше, що сарана не тільки не *свята*, а й не *птиця*, — такъ ні! и слухать не хоче! На одному ставъ: »дяконъ чоловікъ старий и розумний, брехать не стане.«

Хотівъ вже закончити цей листъ, якъ увійшовъ до мене у хату приятель зъ села Великихъ Будищъ (Зіньковського повіту): — каже, що й тамъ офицери завели недільню школу. — Мій приятель вовка на дорозі бачивъ, да такъ злякався, що ажъ труситця увесь. Отъ, легкодухий чоловік! У насъ, у Полтаві, цілими отарами, середъ дня, ходять собаки, страшнійші одъ вовківъ, да ми й то не боїмось! Ціномъ одбиваємось; а на поліцію нема надії, — вона не оборонить, хочъ и *повинна-бъ по закону* гледіть, щобъ у городі собаки не ходили.

Олександръ Переходовець.